

Книжный магазинчик счастья

Автор:

Дженни Колган

Книжный магазинчик счастья

Дженни Т. Колган

Несмотря на свою застенчивость, Нина Редмонд одержима подлинной, всепоглощающей страстью. Она любит книги – и конечно, читателей, ведь Нина работает в одной из старых библиотек Бирмингема. Но библиотеку закрывают. Как жить дальше, а главное – на что жить? Все, что Нина умеет делать в свои двадцать девять лет, – искать «конкретные книги для конкретных людей». И тут она понимает, что больше всего на свете ей хотелось бы открыть маленький книжный магазин! И она решается на отчаянный шаг: едет в Шотландию, где по объявлению продается старый фургон, покупает его и приспособливает под передвижную книжную лавку. Покоренная красотой и своеобразием шотландской земли, Нина остается здесь надолго. Ее ждут новые встречи, и одна из них обещает очень многое...

Впервые на русском!

Дженни Колган

Книжный магазинчик счастья

Jenny Colgan

THE BOOKSHOP ON THE CORNER

Copyright © 2016 by Jenny Colgan

This edition is published by arrangement with Conville & Walsh UK and Synopsis Literary Agency

All rights reserved

Перевод с английского Татьяны Голубевой

Оформление обложки Виктории Манацковой

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Т. В. Голубева, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020

Издательство Иностранка®

* * *

Давайте читать и давайте танцевать, эти два развлечения никогда не причинят миру зла.

Вольтер

Обращение к читателю

В этой книге нет посвящений, потому что вся она посвящена вам – читателю. Всем читателям.

Речь идет о чтении и книгах и о том, как они могут изменить вашу жизнь, причем я уверена – к лучшему. Еще моя книга о том, что мы чувствуем, когда движемся вперед, начиная что-то новое (я сама проделывала это не раз в своей жизни), о том, как выбранное место жизни воздействует на наши чувства, о том, как влюбленность в реальной жизни может оказаться похожей на книжную любовь. А еще тут есть кое-что о сыре, потому что недавно я перебралась в такое место, где делают много сыра, и я его постоянно ем, просто остановиться не могу! И о собаке по кличке Парсли (то есть Петрушка).

Но главное, здесь много говорится о книгах, потому что Нина Редмонд, моя героиня, мечтает открыть книжный магазин.

А также вы найдете здесь кое-какие полезные советы о том, где лучше всего читать, потому что я хочу, чтобы вам было как можно удобнее. Если я пропустила что-нибудь очевидное или вы поступаете совершенно иначе, пожалуйста, напишите мне через «Фейсбук» или @jennycolgan в «Твиттере», потому что я имею старомодное убеждение в том, что чтение – это удовольствие, которое следует тщательно оберегать. Я искренне надеюсь, что вам будет так же приятно читать эту книгу, как мне было приятно ее писать.

Ванна

9:45 – мое любимое время для ванны, и это доводит до безумия моего мужа, потому что ему приходится настраивать термостат на правильную температуру (чуть прохладнее поверхности Солнца) и постоянно ее поддерживать. Но такая температура воды – это истинное наслаждение. Хотя я не люблю масла для ванн. По-моему, они отвратительны: обволакивают все вокруг, оставляя пленку. Ну, как бы то ни было, суть не в этом. Итак, книга в ванне. Идеальны издания в мягкой обложке, это очевидно, – потому что даже если случится наихудшее, вам придется лишь просушить книгу на радиаторе (у моих детей искорежена вся серия о Гарри Поттере). Но я частенько читаю электронную книгу и готова поделиться с вами одним секретом: страницы я переключаю носом. У вас, конечно, может и не оказаться такого великолепного шотландско-итальянского носа, как у меня, но после некоторой тренировки вы увидите, что такое вполне возможно: держать книгу в руке над водой и переключать страницы так же, как

я. А если у вас дома есть некто, обладающий привычкой врывать в ванную комнату, то позаботьтесь о том, чтобы запереть дверь, потому что я по собственному опыту знаю: такое зрелище может показаться другим ужасно смешным.

Другой вариант. Моя подруга Сез держит электронную книгу обеими руками, но прежде заворачивает ее в пластиковый пакет. Разумно.

Кровать

Единственная проблема чтения в постели – краткость. Две или три страницы – и вы начинаете дремать. А если день был трудным, вы можете то куда-то проваливаться, то снова выплывать, прежде чем окончательно заснете. Когда же на следующий вечер берете книгу, думая, в самом ли деле в ней розовый единорог бежал через экзаменационный зал, а вы гнались за ним в пижаме, – вынуждена сказать: нет, ничего похожего там не было. Вы просто задремали и, боюсь, пропустили парочку страниц. Однако я с надеждой дала своим героям очень разные имена, чтобы вы их не перепутали. Нет ничего хуже, чем поздно вечером читать о Кэти и Кейти, а мне не хочется создавать вам ненужные трудности.

Время загара

Во время отпуска лежак для загара кажется идеальным местом для чтения, и мне не раз приходилось оценивать качество текста по тому, насколько я обгорела. Вот только возникает вопрос: как лучше держать книгу? Если держать ее над собой, руки быстро устанут, к тому же на вашей коже останется светлое пятно в форме книги. Если вы будете читать так, чтобы на книгу падали солнечные лучи, вам придется щуриться. Сидеть, скрестив ноги на полотенце, – не самая изящная поза (для меня – не такая уж я стройная). Если лечь на живот, на страницы начнут падать капли пота. Наилучший вариант (если удастся его найти) – один из жутких лежаков для старых леди с маленьким полотняным тентом, под который можно спрятать голову. Да, выглядит глупо. Но – ура! – вы можете спокойно читать, и никто вам теперь не помешает, так что победа за вами.

Прогулка по улице

Вполне приемлемо идти по улице, держа книгу перед носом. Люди будут снисходительно улыбаться и уступать вам дорогу, потому что они понимают, что это такое: страстно желать дочитать до конца (я как-то раз видела девушку, которая вывихнула запястье из-за того, что сунула руку в висячую петлю в лондонском метро, но забыла ее вынуть, когда пришло время пересадки, – она дочитывала «Подходящего жениха»).

Увы, в наши дни все подряд держат перед собой глупые смартфоны в надежде, что кому-то понравятся фотографии их собак в «Фейсбуке», и потому, шагая по улице, становятся серьезным препятствием, даже если у них нет в руках книги в мягкой обложке. Будьте осторожны.

Клуб читателей

Если вы читаете это ради книжного клуба, я могу лишь извиниться и предположить, что сейчас третий час ночи накануне вечера встречи. Я нахожу, что если вы просто вынуждены читать какую-то книгу, это заставляет вас почувствовать себя школьником, но если вам хочется делать домашние задания, – а почему нет? – можно ходить на такие вечерние занятия, обещая, что выучите все к сроку. Вот только если вы читаете впопыхах, может случиться, кто-то вас спросит: «И что ты думаешь о таком финале?», а вы будете кивать, отчаянно надеясь, что в конце все не перевернулось с ног на голову (уверяю, со мной такое случалось). Поэтому позвольте вас успокоить: в моей книге нет финала-перевертыша. Вот разве что мне придется сказать, что финал тут вряд ли есть вообще.

Гамак

Давным-давно, когда я была совсем молодой, у меня был один симпатичный приятель, который принес мне гамак и повесил его на моей крошечной и весьма опасной террасе на крыше. Там я провела много счастливых часов: просто качалась и читала, пожевывая при этом снеки «Куаверс» и вспоминая моего друга-красавчика.

Потом я вышла за него замуж, у нас появилась куча детишек и собака, и мы переехали туда, где постоянно шли дожди, но, думаю, тот гамак до сих пор лежит где-то в кладовке. И это, друзья мои, и есть то, что называют «долго и счастливо»...

Чтение урывками

О, это наилучшее время! Я частенько урываю десяток минут, прежде чем забрать детей из бассейна, или ухватываю четверть часа, а то и час после того, как сделала покупки в супермаркете и сижу в машине, наплевав на мир вокруг меня. Мы такого заслуживаем, и это прекраснее всего.

Поездки в метро

Чтение в метро великолепно, если вам приходится это делать. Ведь метро так жестко организовано! Вы только понаблюдайте за стеклянными взглядами людей, которые ежедневно мчатся в бесконечно сложном, прекрасном танце через его станции, – и ваш мозг тут же подчинится приказу увести вас от всего этого, воспользовавшись свободным временем. Уберите подальше телефон, вся эта шумная ерунда может подождать, пока вы не доберетесь до места. И это вознаградит вас за необходимость поездок.

Путешествия

Путешествия – это вовсе не то же самое, что общественный транспорт. Я, как вы можете догадаться, категорически против того, чтобы в машине или самолете пользоваться Интернетом. Но даже и в таком случае закажите заранее место у окна, чтобы устроиться поудобнее. Наденьте наушники, найдите спокойную, приятную музыку и отключитесь на несколько часов. Исключением будут те минуты, когда начинают разносить напитки и вам кажется, что вас могут пропустить, – тут вы слегка суетитесь и не можете сосредоточиться. В такой момент отложите книгу, уставьте в какой-нибудь журнал, делая вид, что вам совершенно все равно, обслужат вас или нет. Я даже пробовала в экономклассе одновременно есть, пить, слушать музыку и читать. Не делайте этого, если у вас в кармане нет пачки наличных, чтобы оплатить соседу химчистку его одежды.

Поезда просто созданы для чтения. Я обнаружила, что пара хороших наушников весьма полезна, когда сидишь в вагоне и не можешь позвать полицию, чтобы уgomонить шумных идиотов. Нет, я не считаю, что их следует сажать в тюрьму. Но не считаю и обратного.

Перед камином

Если у вас нет камина, сойдет и свеча. Но чего я действительно страстно жду, так это вечера перед большим уютным камином с хорошей книгой в руках, – и чем длиннее книга, тем лучше. Я люблю длинные, по-настоящему длинные романы и большую чашку чая или бокал вина – в зависимости от того, как далеко еще до конца недели (или насколько я склонна растянуть понятие уик-энда). Люблю эти моменты покоя и тишины. Собака тоже помогает. Собаки вообще с потрясающим умением показывают вам, что для счастливой жизни совершенно ни к чему каждые две секунды заглядывать в телефон.

Больница

В больницах я провела уйму времени, по разным причинам: в одной я работала, в другой рожала толпу детишек, а эти детишки, соответственно, то и дело падали с деревьев и ломали себе руки-ноги, ну и так далее.

В больницах время течет совсем не так, как в других местах. Прежде всего, оно там чертовски медленное, даже ночью. И там постоянно присутствует легкое ощущение изумления перед тем, что вокруг происходит, ведь все те настоящие драмы, которые известны каждому из нас, – потеря и новая жизнь, радость и глубочайшее горе – царят вокруг, на каждом этаже стерильного, жаркого здания. Здесь и ужас, и боль, и радость в каждом невыразительном шаге медперсонала по тщательно вымытому линолеуму.

Мне трудно читать в больницах, это все равно что находиться на огромном корабле, который пробивается сквозь бурные волны, а снаружи – люди на суше, они куда-то идут, чем-то занимаются, у них обычная жизнь, но они просто не замечают корабля, идущего совсем рядом с ними.

Но вот что я обнаружила: в больнице хороша поэзия. Короткие стихи, от которых вы можете оторваться и почувствовать себя не таким уж хрупким, не таким уж

оторванным от всего, потому что все мы бывали на этом корабле или еще на нем окажемся.

А еще больница – очень доброе место, где вы можете сидеть и негромко читать для кого-то другого.

Поэтому я не поддерживаю возмущение, когда люди жалуются на больничные магазины, где продают только пирожные и мороженое. Ведь самое меньшее, что всегда должно быть в больницах, это пирожные.

Под деревом в солнечном парке

Конечно же! И мягкое мороженое мистера Уиппи, пожалуйста, а не твердое.

Разное

Одно из моих достижений, которым я особенно горжусь, – это чтение во время кормления грудью (подложите подушку под головку ребенка!). Еще я читаю во время сушки волос (у меня ужасные волосы), во время чистки зубов (у меня отличные зубы, возможно потому, что я чищу их намного дольше положенного). А также в то время, пока я ожидаю смены сигнала светофора с красного на зеленый. Как-то я заперлась в ванной во время ужасно скучной свадьбы (не моей!). Удастся погрузиться в чтение, когда дети на занятиях (однажды я одолела целый роман, пока они в дождливый день играли в бассейне в мяч – думаю, тот день всем нам понравился). Я читаю во время педикюра (маникюр я никогда не делаю, потому что в это время невозможно читать) или когда стою в какой-то очереди. Даже в церкви (грех, конечно, и за него меня вполне справедливо накажут). Читаю в деловых поездках, когда мне приходится в одиночестве обедать в ресторанах (а с книгой вы никогда не будете одиноки). И если вернуться туда, где все это начиналось, я миллион часов читала на заднем сиденье старого отцовского «Сааба 99», а голова спящего младшего брата лежала у меня на коленях. В общем, расскажите мне, где читаете вы. Потому что любой день с книгой немножко лучше дня без нее, а я желаю вам только самых счастливых дней.

Ну а теперь познакомьтесь с Ниной...

Ваша Дженни

Глава 1

Проблема с хорошими вещами состоит в том, что они очень часто маскируются под вещи ужасные. И разве не было бы чудесно, если бы в тот момент, когда вы преодолеваете какие-то трудности, кто-то просто хлопнул бы вас по плечу и сказал:

- Не беспокойся, оно того стоит! Сейчас это выглядит просто жуткой дрянью, но я обещаю: в конце все будет хорошо!

А вы бы воскликнули:

- Спасибо, добрая фея!

И вам бы ответили:

- Да не за что, детка!

Да, это было бы полезно, но такого не случается, и поэтому мы иногда слишком долго пробираемся через то, что не приносит нам счастья, или чересчур быстро отступаем к чему-то более реальному, и нередко невозможно точно определить, что лучше, а что хуже.

Жизнь, что ждет впереди, может казаться весьма унылой. По крайней мере, так думала Нина.

Нина Редмонд, двадцати девяти лет, приказывала себе не плакать на людях. Если вы когда-нибудь пытались сделать себе выговор, то знаете, что это не слишком помогает. Но она ведь была на работе! А на работе плакать не полагается.

Нина гадала, позволял ли себе такое кто-нибудь другой. Потом подумала, что, может быть, такое случилось со всеми, вплоть до Кэти Нисон, с ее жесткими, слишком светлыми волосами и тонкими губами, и ее таблицами. Как раз в этот момент Кэти стояла в углу, скрестив руки и мрачно наблюдая за комнатой после того, как произнесла перед маленькой командой, частью которой была Нина, полную странных выражений речь, в ней она сообщала о сокращении и о том, что Бирмингем не может позволить себе содержать все библиотеки даже при режиме строгой экономии, к которому они уже привыкли.

Нина решила, что, пожалуй, Кэти никогда не плакала. У некоторых людей просто нет слез.

Чего Нина не знала, так это того, как Кэти Нисон плакала по дороге на работу и по дороге с работы домой, – обычно после восьми вечера, – каждый раз, когда ее заставляли кого-то уволить по сокращению штатов или просили на несколько процентов сократить и без того тощий бюджет, когда ей приказывали проводить проверку документов по новым правилам или ее начальник в четыре часа в пятницу сваливал на нее новую грудку административной работы, а сам отправлялся кататься на лыжах, что случалось с ним весьма часто.

В конце концов Кэти все разгребала и шла работать в магазин сувениров Национального фонда, организации по охране исторических памятников, за пятую часть жалованья – и никаких слез! Но эта история не о Кэти Нисон.

Все это просто потому, думала Нина, пытаюсь проглотить ком в горле, потому что они были очень маленькой библиотекой.

По вторникам и четвергам утром они читали разные истории детям. По средам закрывались пораньше. Их библиотека располагалась в жалком старомодном здании с полами, покрытыми истертым линолеумом. Ну да, верно, здесь пахло затхлостью. Большим протекающим радиаторам по утрам требовалось некоторое время, чтобы очнуться, зато потом они моментально делались чересчур горячими, и становилось душновато, в особенности для старого Чарли Эванса – он приходил к ним погреться и прочитать «Морнинг стар», от корки до корки, очень медленно. Нина гадала, куда же теперь придется ходить всем Чарли Эвансам этого мира.

Кэти Нисон объяснила, что библиотечная служба перебирается в центр города и там библиотеки превратятся в некие «центры» с «мультимедийными зонами», кофейнями и «интерсенсорными кабинетами» – и что бы это было такое? Но хотя в городе и имелось по крайней мере два подходящих автобусных маршрута, все равно для большинства их пожилых или не слишком здоровых посетителей это слишком далеко.

Но их чудесный старый, потрепанный домик с островерхой крышей уже был продан, чтобы превратиться в дом с дорогими квартирами, какие уж точно не по карману библиотекарям.

И теперь Нина Редмонд, двадцати девяти лет, книжный червь с длинными, спутанными каштановыми волосами и светлой веснушчатой кожей, страдающая застенчивостью, из-за которой она то и дело краснела или готова была расплакаться, в самый неподходящий момент должна была оказаться на улице, на холодном ветру мира, переполненного безработными библиотекарями.

– Итак, – закончила Кэти Нисон, – можете прямо сейчас начинать упаковывать книги.

Последнее слово она произнесла так, словно оно казалось ей отвратительным на фоне сияющей картины нового мультимедийного центра. Ну да, кому они нужны, все эти старые, неудобные книги?

Нина с тяжелым сердцем и слегка покрасневшими глазами потащила в заднюю комнату. К счастью, и все остальные выглядели примерно так же. Старая Рита О’Лири – ей, наверное, следовало уйти на пенсию еще лет десять назад, но она была так добра с посетителями, что никто как бы и не замечал того, что Рита не может рассмотреть наклейки классификации на корешках и ставит книги на полки более или менее наугад, – разрыдалась, и Нина скрыла собственную печаль, успокаивая ее.

– А знаете, кто еще такое вытворял? – прошипел сквозь всклокоченную бороду ее коллега Гриффин, когда Нина проходила мимо него.

Гриффин бросил осторожный взгляд на Кэти Нисон, все еще стоявшую в маленьком главном зале.

– Нацисты! Они собирали все книги подряд и швыряли их в костер!

– Но эти книги в костер не бросят! – возразила Нина. – Не нацисты же они на самом деле.

– Это все так думают. А потом не успеешь опомниться, и сама станешь нацисткой.

С ошеломляющей быстротой состоялась своего рода распродажа, и большинство их постоянных читателей рылись в старых знакомых любимцах, по десять пенсов за коробку, оставляя в стороне стопки новых блестящих томиков.

Теперь, по прошествии дней, когда библиотекарям предстояло упаковать оставшиеся книги и переслать их в центральную библиотеку, и всегда-то мрачное лицо Гриффина стало мрачнее обычного. Он отличался длинной, неприятно тощей бородой и презрительным отношением к людям, не читавшим тех книг, которые нравились ему самому. А ему нравились только запутанные древние истории пятидесятых годов – истории о разочарованных молодых людях, что слишком много пили в районе Фитцровия, – и это лишь усиливало его дурное отношение к миру. И Гриффин продолжал говорить о сжигателях книг.

– Но их не сожгут! Их отвезут в большой центр в городе!

Нина не могла даже заставить себя произнести слово «мультимедийный».

– А ты видела их планы? – фыркнул Гриффин. – Кофе, компьютеры, DVD, цветы, конторы и служащие, которые рассчитывают рентабельность и изводят безработных... прошу прощения, проявляют заботу. Во всем этом проклятом месте просто нет места для книг! – Он показал на десятки коробок: – Все они окажутся в мусоре! Их используют при строительстве дорог!

– Неправда!

– Правда! Ведь именно так поступают с негодными книгами, ты разве не знаешь? Кладут их в основание мостовых. Чтобы огромные машины могли катить по столетиям высоких мыслей, идей и рассуждений великих ученых,

метафорически вбивая в грязь любовь к знаниям глупыми здоровенными колесами, горланя моторами и убивая планету!

- Ты сегодня не в лучшем настроении, Гриффин?

- Не могли бы вы двое побыстрее делать дело? - хлопотливо произнесла Кэти Нисон, в ее голосе слышалось беспокойство.

Денег хватило лишь на то, чтобы нанять грузовики на один день. Если они не сумеют уложить все вовремя, ей грозят серьезные неприятности.

- Слушаюсь, господин унтер-офицер, - пробормотал себе под нос Гриффин.

Кэти Нисон снова захлопотала вокруг, ее короткие светлые волосы стояли торчком.

- Боже, эта женщина такая озлобленная, поверить невозможно! - проворчал Гриффин.

Но Нина его не слушала. Она в отчаянии смотрела на тысячи томов вокруг: они обещали так много, поблескивая прекрасными переплетами и оптимистичными названиями... Обречь любой из них на бессмысленное пребывание в каком-то хранилище? От этого болело сердце: это же книги! Для Нины все это было равнозначно разгрому собачьего приюта. К тому же, что бы ни думала Кэти Нисон, упаковать все за один день просто невозможно.

Именно поэтому шесть часов спустя, когда крошечная малолитражка Нины «мини-метро» остановилась перед дверью ее крошечного дома, который она делила с соседкой, машина была битком набита книгами.

- Ох нет! - воскликнула Суриндер, выходя к двери и складывая руки на весьма впечатляющей груди.

Выглядела она сурово. Нине приходилось встречаться с ее матерью, полицейским суперинтендантом. Суриндер унаследовала материнское выражение лица. И она весьма часто обрушивала свою суровость на Нину.

- Ты не занесешь все это сюда! И не думай!

- Но это просто... Я хочу сказать, они в прекрасном состоянии!

- Не в этом дело, - ответила Суриндер. - И не смотри на меня так, словно я выгоняю из дома сирот!

- Ну, в каком-то роде... - пробормотала Нина, стараясь не смотреть слишком жалобно.

- Перекрытия дома такого не выдержат, Нина! Я уже говорила тебе об этом раньше.

Нина и Суриндер уже четыре года, с тех пор как Нина приехала в Эджбастон, вполне счастливо делили крохотный домик с террасой. Прежде они не были знакомы, так что это пошло им на пользу, они благополучно смогли стать соседками - не то что друзья, которые переезжают вместе, а потом ссорятся.

Конечно, Нину слегка беспокоил непрерывный поиск Суриндер, желавшей найти серьезного друга, но, несмотря на множество кавалеров, появлявшихся и исчезающих, никого она пока не нашла, и это было к стати. Суриндер, правда, то и дело подчеркивала, что нет никаких причин думать, будто только у нее может появиться надежный друг. Однако болезненная застенчивость Нины и привычка постоянно читать в уединении означали, что обе соседки могут не сомневаться: Суриндер повезет первой. Нина всегда была тихоней, она держалась в стороне от жизни, наблюдая за ней сквозь призму любимых романов.

К тому же, думала Нина после очередного неловкого вечера, когда ей приходилось разговаривать с каким-нибудь новым примитивным приятелем Суриндер, она пока что не встретила никого, кто мог бы сравниться с героями ее любимых книг. Например, мистером Дарси, или Хитклифом из «Грозового перевала», или хотя бы Кристианом Греем... с ними и рядом было не поставить всех этих нервных парней с влажными ладонями. Они не стали бы бродить по пустошам Йоркшира, смуглые и разгневанные. Не стали бы отказываться танцевать с вами, втайне испытывая к вам глубочайшую страсть. Они просто пили на Рождество, как Гриффин, и блеяли часами о том, что в их взаимоотношениях с нынешней подружкой на самом деле нет ничего

серьезного. И так далее.

Суриндер сейчас выглядела взбешенной, и хуже всего было то, что она права. В доме для книг уже просто не оставалось места. Книги лежали везде: на лестничной площадке, на ступенях, они полностью забили комнату Нины, они были аккуратно сложены в гостиной и даже в туалете, просто на всякий случай. Нине всегда нравилось чувствовать, что «Маленькие женщины» в трудную минуту окажутся рядом.

- Но я не могу оставить их на холоде! - умоляла она.

- Нина, это же просто груда древесины! И от некоторых из них дурно пахнет!

- Но...

Выражение лица Суриндер не изменилось, она сурово посмотрела на соседку:

- Нина, я это прекращаю! Все просто вышло из-под контроля. Ты целую неделю их привозишь. И дело обстоит все хуже и хуже! - Она шагнула вперед и схватила с верха кучи огромный, обожаемый Ниной роман. - Посмотри на это! Он ведь уже у тебя есть!

- Да, я знаю, но это первое издание в твердом переплете. Глянь на него - он же прекрасен! И его ни разу не открывали.

- И не откроют, потому что у тебя уже есть груда для чтения ростом выше меня.

Девушки теперь стояли на улице, Суриндер так рассердилась, что вышла за дверь.

- Нет! - повторила она, повышая голос. - На этот раз я категорически против!

Нина почувствовала, что начинает дрожать. Она видела, что им грозит серьезная ссора, а она совершенно не выносила споров и столкновений в любой форме. И Суриндер прекрасно это знала.

- Пожалуйста! - снова сказала Нина.

– Боже мой, я как будто щенка пинаю! – всплеснула руками Суриндер. – Ты не можешь пережить смену работы? Да ты вообще ни с чем не можешь справиться! Просто падаешь навзничь и притворяешьсядохлой.

– И еще... – прошептала Нина, уставившись в землю, когда дверь позади них качнулась и захлопнулась, – я утром забыла ключи. Думаю, мы тут и останемся.

Суриндер одарила ее бешеным взглядом, потом, изобразив особенную полицейскую гримасу, внезапно расхохоталась.

Им пришлось пойти на угол улицы, в симпатичную маленькую закусочную, обычно переполненную, но этим вечером не слишком набитую людьми, и устроиться в уютном уголке.

Суриндер заказала бутылку вина, на которую Нина посмотрела с подозрением. Это было дурным знаком, началом разговора «что же не так с Ниной», обычно он начинался после второго бокала.

Но ведь, в конце концов, все с ней в порядке, разве не так? Что плохого в том, чтобы любить книги и свою работу и такую вот жизнь? Все мило, приятно. Однообразно. Или было так.

– Нет, – заявила Суриндер, со вздохом поставив на стол второй бокал.

Нина изобразила на лице страдальческое долготерпение. Суриндер работала в конторе по импорту драгоценностей, имея дело и со счетами, и с торговцами алмазами. Она была великолепна в своем деле. И все боялись Суриндер. Ее административные способности и ее прогулы стали легендой.

– И это ведь еще не все, да, Нинок?

Нина сосредоточилась на своем бокале, желая, чтобы внимание соседки переключилось на что-нибудь другое.

– Что тебе сказал тот чиновник, который командовал переселением библиотеки?

- Он сказал... что после сокращений в библиотеках не слишком много свободных мест. И они намерены привлечь к делу волонтеров.

Суриндер громко фыркнула:

- Позовут милых старых леди?

Нина кивнула.

- Но они не сумеют подобрать людям нужные книги. Они просто не знают, что захотят прочесть девятилетки после «Гарри Поттера», - заявила Суриндер.

- «Поступь хаоса» Патрика Несса, - машинально произнесла Нина.

- Вот и я об этом! Здесь нужен опыт. А они знакомы с системой подачи заказов? С регистрацией, документацией?

- Вообще-то, нет, - покачала головой Нина.

- Ну и куда ты намерена направиться?

Нина пожала плечами:

- Может найтись какая-нибудь вспомогательная должность в новом медиаклубе. Но мне тогда придется пройти курсы переподготовки для работы в команде.

- Подготовка для работы в команде?

- Да.

- Ты - в команде?! - засмеялась Суриндер. - И ты на это подписалась?

Нина качнула головой:

- Гриффин подписался.

- Ну и тебе придется.

- Наверное, да... - Нина подавила вздох.

- Ты теряешь работу, Нина! Ты ее теряешь! Если ты будешь бродить целыми днями как во сне, читая Джорджетт Хейер, это ничего не изменит.

Нина опять покачала головой.

- Так встряхнись!

- А тогда я смогу занести в дом книги?

- Нет!

Глава 2

Нина пришла на курсы в сильном волнении. Она совершенно не представляла, чего ожидать. К тому же ее машина была по-прежнему набита книгами.

Гриффин уже был там, он небрежно закинул ногу на ногу, как будто стараясь произвести впечатление самого спокойного человека на свете. Но у него плохо получалось. Его связанные в хвост волосы падали на тощую спину в выгоревшей футболке, очки запотели.

- Дрессировка лошадей, - шепнул он Нине, чтобы ей стало полегче.

Но это не помогло, ей стало еще хуже, она принялась тереть блузку в цветочек. Снаружи весна резвилась, как маленькая лодка, то погружаясь в воду, то купаясь в солнечных лучах.

Суриндер оказалась права: Нине действительно пора было встряхнуться.

Но иногда Нине казалось, что мир не создан для людей вроде нее. И уверенные, обладающие яркой индивидуальностью люди вроде Суриндер этого не понимали. Если ты не экстраверт, если ты не выставляешься напоказ, постоянно требуя к себе внимания, люди просто смотрят сквозь тебя. Тебя не замечают. Но обычно Нина ничего не имела против этого.

Однако теперь она стала понимать, что ей грозит опасность не заметить саму себя. Сколько бы книг она ни старалась спасти, что бы ни пыталась сделать, их библиотека все равно закрывалась. Нина лишалась работы, и дело было не просто в том, чтобы найти новую. Безработных библиотекарей вокруг множество. По тридцать человек на одно место. Теперь она как те люди, которые чинили пишущие машинки, или те, кто изготовлял аппараты факса. И в двадцать девять лет оказалась никому не нужна.

На небольшое возвышение в конце задней комнаты библиотеки вспрыгнул молодой человек. Здесь собрались все, вместе с еще двумя группами служащих других библиотек, которые также закрывались в их округе. Встретившись, они принялись жаловаться на чертово правительство и на все остальное, разве эти чиновники не знали, разве они не понимали, как важны библиотеки для местных жителей?

Нина думала, что всё они знали, просто им было наплевать.

– Привет! – сказал молодой человек.

Он был в джинсах и розовой рубашке с открытым воротом.

– Интересно, сколько ему за это платят? – прошептал Гриффин. – Могу поспорить, больше, чем нам.

Нина моргнула. Она никогда не работала просто ради денег.

– Привет всем! – снова произнес молодой человек. Он говорил так, что всё у него звучало как вопрос. – Итак, я понимаю, ситуация далека от идеала?

– Понимаете? – фыркнул Гриффин.

– Но я уверен, что к концу дня мы отлично со всем справимся... создадим маленькое умение строить связи, приобретем немножко уверенности в себе.

Гриффин снова фыркнул. Но Нина слегка наклонилась вперед. Уверенность в себе? Ну, это не повредит.

Это продолжалось все утро. Они играли в «доверие», чтобы восстановить веру в нечто или в другого, вопреки тому факту, что им предстояло конкурировать друг с другом за немногие оставшиеся рабочие места. Нина бродила по комнате с завязанными глазами, ориентируясь только на голоса других участников. А потом ей еще предстояло забраться на стол и с закрытыми глазами упасть назад. Нина одновременно и нервничала, и испытывала раздражение. Все это было совершенно не для нее – все эти крики, рисовка, позерство.

Однако Мунго, молодой человек, подбадривал ее.

– Даже не думайте, будто это нечто такое, чего вы не можете сделать! – кричал он. – Ну?

Гриффин вздохнул. Нина посмотрела на него. Будет ли хоть какой-то прок от всего этого?

– Нет ничего такого, что вы не смогли бы сделать, если попытаетесь!

– Отлично, я, пожалуй, запишусь в олимпийскую команду ныряльщиков, – согласился Гриффин.

Улыбка на мгновение соскользнула с лица Мунго. А потом он вдруг задрал одну штанину, и все в комнате охнули. Нога под джинсами была сделана из гладкого пластика.

– Я научил ее ходить, – сообщил Мунго. – Ну, вперед. Чего вы действительно хотите?

– Управлять департаментом медиацентров, – быстро ответил Гриффин.

Нина знала, что Гриффин убежден: Мунго – шпион корпорации.

Но Мунго просто кивнул.

– Давайте все по очереди. И будьте честны. Здесь нет шпионов.

Нина съежилась на своем стуле. Она терпеть не могла высказываться на публике.

Грубоватый мужчина, незнакомый Нине, заговорил из глубины комнаты:

– Я всегда хотел работать с животными. Где-нибудь в глуши. Отыскивать их, подсчитывать количество, ну, вы понимаете, о чем я?

– Звучит потрясающе! – кивнул Мунго, и как будто вполне искренне. – Великолепно! Идите сюда.

Нина внутренне содрогнулась, когда все они собрались у стола, а тот мужчина влез на него и упал спиной вперед, предоставив толпе поймать его.

– А я всегда хотела быть гримером в кино, – сообщила девушка из центральной службы, работавшая на приемке. – Накладывать грим великим звездам, ну и все такое.

Мунго кивнул, и девушка тоже влезла на стол и упала. Нина просто поверить не могла в то, с какой легкостью они все такое проделывали.

– А я всегда хотела работать только с книгами, – сказала Рита. – И теперь хочу.

В комнате звучали все новые идеи, и все кивали в поддержку, а время от времени даже аплодировали. Но Риту не заставили падать со стола, с ее-то бедрами. Даже Гриффин изменил свой первоначальный ответ, пробормотав, что на самом-то деле ему хотелось стать художником комиксов.

Нина молчала. Она лихорадочно думала. Но наконец заметила, что Мунго уставился на нее.

– А?

– Вперед! Вы последняя. Вы должны сказать, чем хотите заниматься. И честно.

Нина весьма неохотно направилась к столу:

– Я, вообще-то, об этом еще не думала.

– Конечно думали! – возразил Мунго. – Все думают.

– Ну... это выглядит глупо. Особенно в эти дни.

– Здесь ничто не покажется глупым, – заверил ее Мунго. – Мы же все падаем со стола задом наперед!

Нина вскарабкалась на стол. Вся группа выжидающе смотрела на нее. У Нины пересохло в горле, в голове стало пусто.

– Ну... – проямлила она, чувствуя, что самым нелепым образом краснеет. – Я хочу сказать... Ладно: я всегда... всегда мечтала о том, что у меня, может быть, появится собственный книжный магазинчик. Совсем маленький.

Наступило молчание. А потом по комнате пронеслось:

– Я тоже!

– Ох да!

– Это так чудесно!

– Закройте глаза, – мягко сказал Мунго.

И вот Нина отклонилась назад, крепко зажмурившись, и упала в ожидавшие ее руки, подхватившие ее, а потом осторожно поставившие на пол.

А к тому времени, когда она открыла глаза, Нина напряженно думала...

- Магазин? - конечно же, облил ее презрением Гриффин. - Книжный магазин? Ты что, свихнулась?

- Не знаю, - пожала плечами Нина. - Но я могла бы продавать там твои комиксы.

Она все еще ощущала странное воодушевление. Во время перерыва Мунго отвел ее в сторонку, и они поговорили об этом. Нина призналась в своей полной неспособности управляться с накладными расходами, хранением, служащими или вообще с чем-либо из огромного, парализующего мысль количества дел по руководству магазином. Вряд ли она когда-нибудь научится все это делать.

Мунго задумчиво кивал.

Наконец Нина призналась, что у нее в машине сейчас книг на целый магазин, и он, вскинув руки, рассмеялся:

- А знаете, для такого есть ведь и мобильные версии.

Он показал ей на своем ноутбуке веб-сайт с картинкой: женщина устроила книжный магазин на барже. Нина уже видела это фото и завистливо повздыхала.

- Но это не обязательно должна быть баржа, - сказал Мунго. Он открыл по очереди еще несколько сайтов. - Я знаю одну женщину в Корнуолле, у нее пекарня в фургоне.

- Настоящая пекарня?

- Настоящая пекарня. Люди за много миль к ней приезжают.

- Фургон? - моргнула Нина.

- А почему нет? Вы же водите машину?

- Да.

- Вы же можете в ней все устроить как следует?

Нина не стала ему говорить, что ей понадобилась целая вечность для того, чтобы научиться поворачивать за угол. Бодрый энтузиазм Мунго был таким захватывающим, что казалось легче соглашаться с ним, чем спорить.

Нина показала Гриффину объявления в газете, которые она нашла во время перерыва с помощью восторженного Мунго.

- Посмотри на это.

- Что это такое?

- Фургон.

- Старый вонючий фургон?

- Старый вонючий фургон, - неохотно согласилась Нина. - Ладно, возможно, именно этот не годится. Но погляди на вот этот.

- Тебе кажется, что фургоны - ответ на все вопросы, - проворчал Гриффин. - Да в них насекомых полно!

- Я же не говорю, что это для продуктов.

Легкое раздражение в голосе Нины заставило Гриффина удивленно поднять голову от кружки с пивом - как будто на него вдруг зарычала мышка.

- Прояви здравый смысл. Посмотри на него.

- Ну, это фургон, - с подчеркнутым сарказмом ответил Гриффин. - Не понимаю, чего ты от меня ждешь? Что я должен сказать о нем?

- Я жду, когда ты скажешь: вау, Нина, он великолепен, представить трудно, что можно было найти нечто подобное!

- Ты, похоже, втрескалась в этого Мунго?

- Нет, Гриффин, он ребенок. Но мне нравится его отношение к жизни.

- Все равно не уловил, - качнул головой Гриффин. - Фургон. Мне показалось, ты говорила о желании иметь книжный магазин?

- Именно! - воскликнула Нина. - Но я же не могу позволить себе иметь дом с участком.

- Конечно. Тебе пришлось бы иметь дело с банками, добиваться ссуды. И ты совершенно ничего не знаешь об управлении магазином.

- Не знаю. Но я много знаю о книгах, ты согласен?

Гриффин уставился на нее.

- Да, - ворчливо признал он. - В книгах ты отлично разбираешься.

- У меня есть немного денег, - продолжила Нина. - А еще я могла бы продать свой «мини-метро». То есть я могла бы... Могла бы позволить себе иметь фургон... И у меня целая куча книг из библиотеки. И вся моя жизнь. Я ведь могу жить где угодно, вот я о чем. Я могла бы с этого начать, а потом будет видно, как все пойдет.

- У тебя даже слишком много книг, - признал Гриффин. - Никогда не сказал бы такое о ком-то еще.

- Ну вот, - обрадовалась Нина. - Если у меня есть запас... и будет фургон...

- То что?

- Поэтому я не вижу причин, которые помешали бы мне просто путешествовать и продавать книги.

Теперь Нина испытывала искреннее волнение, что-то жужжало у нее в груди. Почему не она? Почему кто-то другой должен осуществлять свои мечты, а не она?

- Куда, в Эджбастон?

- Нет, - ответила Нина. - В какие-нибудь места, где нет ограничений в парковке.

- Полагаю, таких мест просто нет.

- Ну, туда, где не станут возражать... В такие места, где мне позволят просто продавать книги.

- Вряд ли что-то получится.

- Почему? Есть фермерские рынки, они проводятся раз в неделю, там продают что угодно.

- Значит, ты станешь работать один день в неделю, а остальное время будешь лелеять свои книжные залежи?

- Хватит лить на все подряд холодную воду!

- Я и не лью, я рассуждаю реалистично. Каким я был бы другом, если бы просто сидел и поддакивал тебе? Ты ведь хочешь бросить все, даже не выяснив, есть у тебя работа или нет, просто все отшвырнуть ради несбыточной мечты, когда тебе уже почти тридцать.

- Мм... - промычала Нина, чувствуя, как выдыхается.

- Я имел в виду, - снова заговорил Гриффин, - что это ведь совсем не в твоей натуре - очертя голову бросаться в рискованное предприятие. За те шесть лет, что я тебя знаю, ты ни разу не опаздывала с обеденного перерыва, ты никогда ни на что не жаловалась и вела себя по правилам во время пожарной тревоги... и так далее. Маленькая мисс Идеальный Служащий. Маленькая мисс Настоящий Библиотекарь... а теперь ты вознамерилась купить фургон и продавать книги где-то в глуши? И так зарабатывать на жизнь?

- Что, звучит безумно? – грустно спросила Нина.

- Да, – подтвердил Гриффин.

- Мм... – снова промычала Нина. – А ты что собираешься делать? Обратишься в магазины комиксов, в иллюстрированные журналы и так далее?

Гриффин на мгновение смутился.

- Ох... Боже, нет, конечно... Нет. Наверное, просто постараюсь найти новую службу. Ну, понимаешь... Для надежности. Возможно, как знающий посредник.

- Да, и я тоже... – невесело кивнула Нина.

- Я никогда не буду конкурировать с тобой.

- Не сходи с ума! Конечно будешь, – усмехнулась Нина, снова глядя на газету.

И опять ощутила странное, неловкое возбуждение. Она сосредоточилась на объявлении.

- Да этот фургон, наверное, вообще за сто миль отсюда.

Гриффин наклонился над объявлением, а потом расхохотался.

- Нина, тебе его не заполучить!

- Почему это? Я его хочу! – Но тут же спохватилась и перестроила фразу: – Именно этот мне хотелось бы иметь.

Фургон был белым, приземистым, старомодным, с большими фарами. Сбоку, ближе к задней части, у него имелась дверца с маленькими складными металлическими ступеньками. Он выглядел мило, в ретростиле, а лучше всего было то, что внутри в нем крепилось множество полок, подходящих для книг, – они остались с тех пор, как из фургона продавали хлеб. В общем, сплошное великолепие.

– Ладно, желаю удачи, – сказал Гриффин, показывая на мелкий шрифт внизу. – Но ты посмотри сюда. Он же в Шотландии!

Глава 3

Кэти Нисон поговорила с каждым, выясняя «уровень новых знаний». Это не было собеседованием. Конечно не было. На самом деле это была хладнокровная пытка, но, разумеется, никто ничего такого не сказал. Нина нервно тряслась к тому времени, когда подошла ее очередь войти в комнату.

Кэти словно не узнала Нину, что не прибавило той уверенности. На самом деле Кэти до трех часов ночи успокаивала своего малыша, поэтому взгляд у нее был туманный. Она мельком посмотрела в свои заметки.

– А, Нина, – произнесла она. – Рада вас видеть. – Она снова уставилась в бумаги и слегка нахмурилась. – Значит, вам очень нравится работать в библиотеке?

– Да, очень, – кивнула Нина.

– Но вас, должно быть, беспокоит новое направление или нет?

– Мне очень помог курс занятий по работе в команде, – ответила Нина.

Честно говоря, с тех пор она об этих занятиях почти не думала. Зато думала о другом. О том, как может выглядеть тот фургон, стоя на парковке, – манящий, блестящий, и о том, что она могла уложить в него, насколько большое собрание ей может понадобиться, чтобы иметь под рукой все, что понравится людям, и где ей найти источник подержанных книг после того, как библиотеки окончательно разорят, и...

Наконец Нина сообразила, что унеслась в мыслях слишком далеко и что Кэти Нисон пристально смотрит на нее.

Кэти Нисон ненавидела эту часть своей работы, ей все время хотелось выкинуть что-нибудь эдакое... Идея ее дела состояла в том, чтобы мягко убедить неподходящих кандидатов отказаться от места и сократить время собеседований. Но, по правде говоря, Кэти совсем не была уверена в том, что говорливые детки-подмастерья, захватившие в нынешнее время все места, действительно кому-то нужны. Приятные манеры и спокойная рассудительность могли бы принести куда больше пользы. Но это не могло растопить лед в важных головах, которым нравились показные высказывания и громкие, уверенные замечания.

- Значит, вы рассчитываете подать заявление на место?

- Разве? - Лицо Нины отразило внутреннюю панику. - А я должна?

Кэти Нисон вздохнула.

- Просто подумайте о том, как пригодились бы ваши знания, - невыразительно произнесла она. - Ну и... удачи!

«Какого черта все это значит?» - думала Нина, с трудом вставая, чтобы уйти.

Нина как одержимая продолжала изучать объявления о фургонах в то время, когда ей следовало готовиться к окончательному собеседованию, - но она не нашла ничего и отдаленно похожего на тот фургон. Он ощущался как самый правильный, с его забавным маленьким носом и выгнутой крышей. И ей ничего другого не оставалось. Она просто должна была поехать в Шотландию.

К ней подошел Гриффин и прищурился:

- Ты же это не всерьез?

- Да я просто хочу посмотреть, - возразила Нина. - Это лишь мысль.

- Время бежит слишком быстро для таких мыслей, - заявил он. - Э-э-э... могу я тебя кое о чем попросить?

- О чем? – мгновенно настораживаясь, спросила Нина.

- Не могла бы ты просмотреть мою заявку? – Вид у Гриффина был пристыженный.

- Гриффин, разве мы претендуем не на одну и ту же работу?

- Ну, возможно... Но ты в этом куда лучше меня.

- Ладно, но что мне помешает просто сказать, что ты все написал неправильно, и подсунуть тебе по-настоящему ужасную заявку?

- Ты на такое не способна.

- Может, я просто внушаю тебе ложное чувство безопасности?

- Четыре года подряд?

- Именно!

- Нет, – заявил Гриффин с таким самодовольным видом, что Нине захотелось выплеснуть на него свой кофе. – Ты такая милая. Слишком милая, чтобы отказать мне в помощи, и слишком милая, чтобы водить грузовик.

- Ты уверен?

- Ага. – Он придвинул к ней бланки. – Но ты ведь можешь просто взглянуть? И сказать мне? Давай, они в любом случае будут снова допрашивать нас обоих. Можешь в дополнение помочь своему безграмотному приятелю.

Нина посмотрела на него. Она знала, что ее разговор с Кэти прошел не слишком удачно. Она как будто нарочно выставила себя в дурном свете, чтобы помочь Гриффину. Но, с другой стороны, он ведь нуждался в помощи...

Нина со вздохом взяла бланки и сосредоточилась на абсолютно непонятных пунктах о мультимедиа, движении вперед, выборе и оценке поставщиков,

источниках снабжения... Чем дальше она читала, тем более подавленной себя чувствовала. Неужели миру теперь нужно именно это? Ведь если так, она не была уверена, что хочет жить в таком мире. Нина пыталась помочь Гриффину разобраться в наиболее мутных словесных конструкциях, но невольно сравнивала всю эту чушь с собственной заявкой, где коротко и четко говорилось о том, что библиотеки должны быть центрами общин, и как именно чтение помогает детям раскрыть свой потенциал... Но в этих бланках речь шла о куда более грандиозных амбициях.

Нина вздохнула и снова посмотрела на объявления.

Этот фургон был длинным, но не таким, как фургон мороженщика. Фотография показывала, что внутри он совершенно пуст и места в нем достаточно, – достаточно для высоких полок по обе стороны, и еще можно было устроить уютный уголок с диванчиком и, может быть, с детскими книгами... Нина вдруг заметила, что мечтательно смотрит в открытое окно на шумный вечер в Бирмингеме.

Снаружи двое мужчин громко рассуждали о том, как кто-то надул их с автомобилем, группа подростков визгливо хохотала, направляясь куда-то, четыре автобуса сигналили на перекрестке непонятно почему, и непрерывно гудели машины на ближайшей эстакаде. Но Нина ничего этого не слышала.

Она видела все как наяву. Она смогла бы. Она воображала все во всех подробностях. Немного бензина, ее книжные запасы – многие из собранных ею книг были абсолютно новыми, в идеальном состоянии. А когда закроются все библиотеки... возможно, она извлечет нечто хорошее из чего-то ужасного.

Нина снова посмотрела на адрес. Кирринфиф. Она поискала дорогу туда. Скоростные дороги были недешевы, а дешевые...

У Нины накопилось несколько недель неиспользованного отпуска. И если она не получит новую работу, она ведь все равно их потеряет. А так она могла заодно воспользоваться последними свободными днями, за которые ей заплатят.

Еще до того, как Нина осознала все это, она заполнила грандиозную заявку Гриффина... и купила билет на междугородный автобус.

Глава 4

Нина опустила книгу на колени, заметив, что начинает дремать.

Наступил вечер, а она просидела в автобусе весь день. Автобус сделал только одну короткую остановку, позволив размять ноги и чуть-чуть побродить по станции обслуживания – не слишком просторной для настоящего расслабления. День уже почти закончился, но солнце все еще стояло высоко в небе – здесь оно садилось намного позже, чем в Бирмингеме, – и ярко светило в окно по левой стороне автобуса, к которому прислонилась Нина, когда они проезжали по мосту Форт-Роуд. Его лучи окрашивали в розовый цвет воды залива, и на мгновение у Нины возникло ощущение, что автобус плывет сквозь белые кружева.

Прежде Нина никогда не бывала в Шотландии. И вообще-то, когда она купила билет, обошедшийся дешевле, чем стоимость проведенного в пабе вечера, она вдруг осознала, что в свои двадцать девять лет не бывала во множестве мест. Конечно, она ездила в Нарнию, в Маленький домик в прериях, в Страну чудес, но теперь все было иначе. Когда они подъезжали к Эдинбургу, Нина ощущала густой, роскошный, будоражащий запах древних серых улиц, видела старинные булыжные мостовые, на которые хотелось тут же спрыгнуть. А еще здесь было металлическое небо, отражавшееся в окнах высоченных домов, самых древних небоскребов на земле. Все это заставляло ее выпрямиться и зачарованно смотреть на беспорядочные маленькие улочки, тянувшиеся кто куда, перемежавшиеся с широкими, и на суровый замок на утесе, что вдруг возник перед ней, – он словно парил прямо в центре шумного города...

А они все ехали: на север, все время на север, и небо становилось все огромнее, когда они пересекали большой мост. Справа от Нины показался железнодорожный мост, движение стало не таким плотным, когда они выбрались в край ферм, строгих каменистых ландшафтов и длинных вересковых пустошей под огромным облачным небом.

В автобусе осталось уже меньше пассажиров. В Ньюкасле и Бервике многие вышли, и кто-то сел в Эдинбурге, и теперь внутри остались только Нина и несколько пожилых людей, похожих на рабочих с какой-нибудь нефтяной

скважины, – они терпеливо сидели на своих местах, вид у них был невозмутимый, они тихо переговаривались, спокойно глядя на собеседника.

Нина вернулась к книге, но в какой-то момент подняла голову и увидела большую равнину, где на вереске играл золотистый свет. Потом она посмотрела в окно – как раз вовремя, чтобы увидеть скопу, метнувшуюся через дорогу к озеру, и даже вздрогнула от неожиданности. А когда они переваливали через очередную гору, в небо вырвались солнечные лучи, – и Нина окончательно оставила книгу.

Наверное, если бы в этот весенний уик-энд пошел дождь, все сложилось бы совсем по-другому.

Нина спокойно читала бы всю дорогу, потом перекинулась бы несколькими словами с владельцами фургона, вежливо поблагодарила их и вернулась домой, чтобы снова углубиться в свои мысли.

Если бы ветер дул с моря, если бы мост закрыли из-за его сильных порывов... если бы случился миллион других мелких событий...

Ведь жизнь именно такова, не правда ли? Если бы вы подумали обо всех тех мелочах, что заставляют вас повернуть в ту сторону или в другую, то к добру, то к худу, вы бы вообще ничего не делали.

Некоторые люди так и поступают. Они шагают по жизни, не задумывая ничего особенного и не желая этого, они слишком боятся последствий, чтобы испытать нечто новое. В некотором роде это тоже выбор. Вы все равно придете куда-то, прилагали вы к этому усилия или нет. Но начинать что-то новое так трудно! И особой помощи при этом ждать не приходится.

Однако тот вечер, когда Нина впервые в жизни приехала в Шотландию, выдался ни ветреным, ни сырым и пасмурным, когда тучи повисают так низко, что кажется – они задевают деревья. Вместо того вся страна словно светилась ради Нины. Вечер был золотым, северный свет выглядел странным и прекрасным. И казалось, что всюду, куда бы ни посмотрела Нина, стоят серые каменные замки, тянутся длинные аллеи, на полях бродят овцы, в далекие леса удирают с дороги олени, когда мимо них проезжает автобус. Двое пожилых мужчин, севшие в автобус в Эдинбурге, тихо заговорили друг с другом на гэльском языке, и Нина

стала прислушиваться. Ей казалось, что это не столько разговор, сколько пение, и ее взволновала и изумила мысль о том, что, хотя формально она все еще находится в Соединенном Королевстве, где прожила всю свою жизнь, все вокруг стало таким незнакомым, таким иностранным...

Дорога поднималась выше, но при этом как будто не тянулась по нетронутому ландшафту, а парила над вересковыми пустошами, и Нина заметила, что ей хочется подгонять автобус все дальше и дальше, туда, где и вовсе нет машин, и городов почти нет, и людей.

Ее даже слегка кольнуло стыдом при мысли, что она как будто предает свой любимый Бирмингем, с его грохочущими дорогами, многоквартирными домами и полицейскими сиренами, с набитыми людьми пабами и шумными вечеринками. Обычно ей все это нравилось. Ну да, нравилось. Ну... она терпела все это.

Но здесь совсем нетрудно было понять, почему шотландцы считают себя особенными и независимыми. Да, Нина немножко путешествовала по Англии – ездила в Лондон, конечно, в Манчестер на выходные, в Дорсет и Девон. Но все это... было совсем другое. Огромная нетронутая земля открывалась перед ней, настолько просторная, что трудно охватить ее мыслью, куда больше того, о чем Нина вообще могла когда-либо подумать, если вообще думала. Городки и деревни лениво проплывали мимо, их названия звучали непривычно – Охтердаб, Бэлвери, Донибрисл, – их трудно даже произнести. Это ошеломяло.

Шел уже десятый час, но небо оставалось светлым, как в апреле, и вот наконец автобус прибыл в Кирринфиф.

Вышла здесь одна только Нина, чувствуя себя потерянной в такой дали от дома. Она огляделась. Вниз с холмов, окружавших городок, извивались две узкие улочки, маленький паб, ресторанчик с серыми стенами, с исцарапанными деревянными столами, маленькая бакалейная лавка, булочная, крохотная почта и магазинчик с рыболовными принадлежностями. И ни души вокруг, никого на дороге.

Нина занервничала. В романах такое обычно означало, что тот, кого ты сейчас встретишь, попытается тебя убить, а остальные жители будут его прикрывать или все разом вдруг окажутся оборотнями... Нина приказала себе не выдумывать глупостей. Гриффин и Суриндер знали, куда она отправилась. Она должна

посмотреть фургон, что служило страховкой на случай, если начнутся некие страшные события. Все просто. Она приехала по делу. Многие люди постоянно этим занимаются. Но все равно Нина достала свой телефон и проверила его. Сигнала не было. Нина закусила губы и велела себе не стоять на месте.

Паб назывался «Роб Рой», на его стенах висели симпатичные корзины с цветами. Но снаружи за столиками никто не сидел – уже становилось холоднее, хотя слабый солнечный свет продолжал мерцать над горизонтом. Нина глубоко вздохнула и толкнула дверь.

Деревянные столы внутри были идеально отполированы, а возле огромного каменного камина – конские медные поилки, наполненные сухими цветами. Большая комната была почти пуста, лишь два старика сидели у бара, они оглянулись и внимательно посмотрели на Нину поверх пивных кружек.

Нине пришлось собрать всю свою храбрость, чтобы вежливо улыбнуться и шагнуть вперед. В конце концов, автобус уже ушел, а другого не будет до утра, так что вряд ли ей было из чего выбирать.

– Э-э-э... привет, – произнесла Нина, вдруг сообразив, что выглядит уж слишком англичанкой. – Мм... а хозяин здесь?

– Hesjustawainnit.

Нина не помнила, чтобы хоть когда-то в жизни она смущалась сильнее. К лицу взлетела жаркая волна, Нина совершенно не поняла слова, произнесенного мужчиной. Она прижала ладонь к горлу.

– Э-э-э... простите? – выдавила она.

Казалось, что чем больше Нина старалась говорить просто и внятно, тем больше походила на королеву. Ей вдруг захотелось оказаться очень-очень далеко отсюда, вообще-то, где угодно.

Оба мужчины хихикнули, но тут, слава небесам, дверь распахнулась, вошел краснолицый мужчина, несший бочонок с пивом так, словно тот ничего не весил.

- Эй, девица! - бодро воскликнул он. - Привет! А я как раз думал, не прошел ли уже автобус.

- Прошел, - кивнула Нина.

Ее охватило неопишное облегчение. Если она сосредоточится, то сможет его понимать.

- Я Аласдер. И что же вас привело сюда в такое время года? Снег на вершинах еще не начал таять.

- Да, я знаю, - улыбнулась Нина. - Это прекрасно.

Лицо здоровяка смягчилось при этих словах.

- Ай, верно. Могу я предложить вам выпить?

Нине не были знакомы названия сортов пива на бочонках. Она попросила минеральной воды, потом заметила, как мужчины грустно покачали головами, и изменила заказ на полпинты местного пива, на вкус оно оказалось похожим на газированную патоку.

- Пей до дна, девица!

- А у вас есть что-нибудь съестное? - спросила Нина.

Все засмеялись.

- Нет, не в такое позднее время, - ответил Аласдер.

Он поднял голову, глаза под песочными волосами оказались ярко-синими.

- Но я, пожалуй, могу соорудить для вас сэндвич, если хотите.

Нина просто умирала от голода, закуски на станции обслуживания выглядели не слишком аппетитно, а стоили при этом целого состояния, и Нина понимала, что

вскоре может совершенно лишиться сил. Она надеялась на что-то вроде тушеного мяса или пирога, на что-то горячее и сытное, – а если честно, она даже воображала некую милую фермерскую женушку и домашний яблочный пирог с кремом, но потом сообразила, что просто думает о романе Энид Блайтон, а не о реальном месте, где очутилась.

– Ох, да, пожалуйста! – ответила она.

Мужчина исчез в заднем помещении, выглядевшем как крохотное кухонное пространство.

А Нина строго посмотрела на свой телефон, как будто это могло заставить его работать, и гадала, можно ли ей сейчас снова достать книгу.

Один из мужчин задал ей вопрос, которого Нина не поняла, но предположила, что ее спрашивают, зачем она здесь. Она сказала, что приехала посмотреть фургон.

В ответ на это мужчины расхохотались и тут же потащили ее на улицу.

Через маленькую городскую площадь, где угасающий свет вырисовывал имена на военном мемориале – Макайндра, Макгхай, Макинглисс, – Нину повели по бульжникам к боковой улочке, полностью перегороженной фургоном из объявления.

Нина уставилась на него во все глаза. Он был довольно грязным, и на переднем бампере виднелось немного ржавчины, – но Нина сразу отметила и чудесно выгнутую крышу, и добродушный нос, так привлекший ее на фото в объявлении. Но в первую очередь Нину поразили размеры – фургон оказался намного больше, чем она ожидала, то есть, вообще-то, он был пугающе большим. Сумеет ли она справиться с таким?

И то, что она увидела фургон во плоти, а не в фантазиях и не как просто идею, вдруг заставило Нину занервничать. Ее представления о будущем до сих пор не включали в себя мыслей о том, что она не будет защищена жалованьем и оплатой больничных листов, окажется без отпускных, и никто не будет все за нее планировать и организовывать... И если все это вообще должно где-то начаться, то начнется оно вот на этой маленькой серой каменной площади, при

последних слабых лучах вечернего солнца, льющихся через холмы, при остром аромате сосен и утесника, под холодным ветерком, летевшим через долину, в воздухе настолько чистом, что Нина видела все за много миль...

- Наконец-то избавимся от этой занозы! - со смехом сказал один из мужчин.

А второй оценивающе посмотрел на Нину.

Уши Нины уже начали привыкать к их манере говорить.

- Вы действительно хотите купить фургон Финдхорна? - с недоверием произнес второй мужчина. - Эта штука ржавеет здесь уж который год!

- А вы уверены, что управитесь с ним, такая малышка? - спросил первый, в точности отразив то, что думала и сама Нина.

Фургон выглядел нормальным на фотографии, но здесь он казался просто гигантом, старомодным и пугающим.

- А что вы собираетесь с ним делать? - с любопытством спросил тот, что был постарше.

- Э-э-э... я не уверена... - пробормотала Нина.

Ей не хотелось отступить слишком быстро. Теперь, когда она наконец добралась сюда, все выглядело до ужаса реальным.

Мужчины переглянулись.

- Ну что ж, Уилли скоро вернется.

Они возвратились в паб, а Нина по дороге беспокойно оглядывалась. Фургон был по-настоящему большим, до ужаса большим... Нину терзали сомнения. В конце концов, все это совершенно не в ее натуре. Теперь она это понимала. Это ей не подходило. Она должна отправиться назад и подать заявку вроде той, что сочинил Гриффин, и пообещать Кэти Нисон, что готова заниматься чем угодно, пожертвовать всем, если только ее не оставят без работы. Да, вот что ей

следует сделать. И ей лучше снова работать целыми днями и читать целыми вечерами, время от времени отправляясь выпить с Суриндер, потому что ее жизнь ведь совсем неплоха, разве не так? Она же просто замечательная! Все шло как надо. А вот заняться чем-то эдаким... да никто и не поверит! Это было бы чудовищной ошибкой, Нине нужно тихонько уползти домой и никогда больше об этом не упоминать, и тогда никто ничего и не заметит.

Хозяин встретил ее широкой улыбкой, когда она снова вошла в паб.

- А, вот и вы! - воскликнул он, придвигая к Нине полную тарелку.

На ней лежал огромный сэндвич на свежем белом хлебе с хрустящей корочкой, между ломтями виднелись толстые слои масла и какой-то местный зрелый сыр, какого Нина никогда не пробовала, к нему добавлялись домашние маринованные овощи и лук. Нина улыбнулась: она невероятно хотела есть, а лицо Аласдера выглядело таким добрым...

Еда вместе с пивом привели Нину в чувство, она принялась жевать, сидя у бара и положив перед собой книгу.

Аласдер одобрительно просиял.

- Мне нравятся девушки с хорошим аппетитом, - сказал он. - Это наш сыр, знаете ли. Из молока тех коз, что пасутся на пустошах.

- На вкус просто замечательный, - согласилась Нина.

Дверь за ее спиной со скрипом отворилась, и она повернула голову. В бар вошел еще один старик, плотного сложения, с глубокими морщинами вокруг голубых глаз и в древней шляпе. Выглядел он грубоватым.

- Автобус уже прошел? - спросил он.

- Эй, Уилли! - откликнулся один из посетителей. - Вот твой очередной покупатель фургона!

Уилли посмотрел на Нину и помрачнел.

- Это что, шутка? - спросил он веселящихся стариков.

- Э-э-э... привет, - нервно произнесла Нина. - Вы мистер Финдхорн?

- Мм... - промычал Уилли. - Ну да.

- Я по вашему объявлению.

- Вижу. Только я не представлял, чтобы какая-то молодая девчонка...

Нина сердито прикусила губу:

- Ну да, я молодая девчонка, но водительские права у меня есть.

- А... не сомневаюсь. - Уилли нахмурил лоб. - Я не... Я хочу сказать, что ожидал увидеть кого-нибудь постарше. Может, кого-то из компании по грузовым перевозкам.

- Откуда вам знать, что я не из такой компании?

В пабе все на мгновение затихли. С задней стороны раздалось что-то вроде рычания, и Нина поняла, что где-то там находится собака.

Уилли немного подумал.

- А вы из компании по перевозкам? - спросил он наконец.

- Нет, - ответила Нина. - Я библиотекарь.

Двое стариков закудахтали, как Стэтлер и Уолдорф из популярного «Маппет-шоу», и Нина одарила их специальным взглядом «тишина в библиотеке!». Она уже начинала терять терпение. Десять минут назад она была готова бросить свою затею и умчаться домой. Теперь ей хотелось показать этим глупым людям, что она вполне способна на то, чего они от нее не ожидают.

– Этот фургон продается или нет? – громко поинтересовалась она.

Уилли снял шляпу и кивнул Аласдеру, который тут же налил ему пинту чего-то, называвшегося «80 шиллингов».

– Ага, – неохотно ответил Уилли. – Я вам завтра утром дам на нем прокатиться.

Сразу, как только Аласдер проводил ее наверх, в маленькую, простую, но очень чистую комнатку с голым дощатым полом, Нина вдруг ощутила невероятную усталость. Окно комнаты выходило на заднюю сторону паба, из него виднелись прекрасные склоны холмов и солнце, как раз скрывавшееся за горизонтом.

Под окном щебетали целые стаи птиц, но никакого другого шума сюда не доносилось; возможно, где-то вдали и проезжали машины, но не было гула сплошного движения, сирен, грохота мусоровозов или людских голосов на улице и в соседних кафе, где кто-то что-то праздновал.

Нина принюхалась к воздуху. Он был таким свежим и чистым, что у нее закружилась голова. Она выпила стакан воды из-под крана, вода была ледяной и освежающей.

Нине казалось, что она долго будет лежать в уютной постели с белыми простынями и мысленно составлять список всех за и против, искать то, что поможет ей принять окончательное решение. Но вместо того под чириканье за окном она заснула в тот самый момент, как только опустила голову на подушку.

– Какую именно колбасу вы хотите?

Нина пожала плечами. Она ведь не знала, сколько у них здесь сортов колбасы и сосисок.

– Что-нибудь получше.

– Ладно, – улыбнулся хозяин паба. – Мы вам приготовим сосиски лорне, из свиней Уилли. В самый раз будет.

Нина проспала как убитая до тех пор, пока что-то не подняло ее, как звонок будильника, в семь часов. Сонно выглянув в маленькое окно, она сообразила, что это был петух. Нина оделась и спустилась вниз, готовая испытать фургон ради сохранения самолюбия, а потом снова сесть в автобус и начисто забыть о своем маленьком шотландском приключении. Должны же найтись какие-то книжные магазины, в которых нужны служащие? Может, именно там она и начнет. Конечно, денег будет меньше, чем прежде, но Нине еще не приходилось встречать книготорговца, который бы ей не понравился, и, если она сможет по-прежнему находиться среди книг, наверняка этого будет вполне достаточно.

Завтрак, когда его принесли, оказался серьезным испытанием, к нему следовало отнестись с уважением. Нина села за полированный стол у окна, откуда ей видны были школьники, беспечно бежавшие по улице в ярких красных джемперах, тракторы, тащившие трейлеры, набитые загадочными механизмами, лошади на утренней пробежке и множество «лендроверов», разъезжавших по своим делам.

Аласдер поставил перед Ниной огромную миску овсяной каши с медом и густыми свежими сливками. За ней последовала тарелка сосисок лорне, которые оказались квадратными, хрустящими и невероятно вкусными, потом на столе появились яйца с золотыми желтками, они были вкуснее всего, что Нина пробовала прежде, – она предположила, что их любезно снесли куры, жившие за домом. После того – поджаристый бекон, черный пудинг и нечто треугольное, что Нина приняла за тост, но оказавшееся чем-то вроде тонкой картофельной лепешки. После ужина одним-единственным сэндвичем Нине отчаянно хотелось есть, и она смела все подряд. Тем более что все было невероятно вкусным.

– Можете не спешить, – весело сказал хозяин паба, наливая Нине вторую чашку кофе. – Уилли до одиннадцати будет занят на ферме, так что время есть.

– Все это просто изумительно! – со счастливым видом сообщила Нина.

– Вид у вас такой, словно не мешало бы вас слегка подкормить, – сказал Аласдер. – Подкормить и поддержать на свежем воздухе.

Нине с самого детства постоянно твердили, что она нуждается в свежем воздухе, и она брала с собой книгу и забиралась на яблоню в конце их невзрачного садика, подальше от машины, которую постоянно мыл и чистил

отец. Насколько она помнила, он ни разу на ней не ездил, хотя Нина не раз пыталась понять, что же с этой машиной случилось. Нина пряталась в листве, прислонившись к стволу, и, болтая ногами в воздухе, погружалась в миры Энид Блайтон или Роальда Даля, пока ей не позволяли наконец вернуться в дом. Место на яблоне было отличным, потому что, как выяснила Нина, даже если люди тебя ищут, они никогда не смотрят вверх. А это значило, что два ее брата не могли ее выследить и втянуть в одну из своих глупых военных игр, а когда сестра отказывалась, ее начинали дразнить за любовь к чтению и даже выхватывали книгу из рук и не отдавали, пока она не начинала плакать.

Поэтому Нина просто вежливо улыбнулась Аласдеру.

Нине по-настоящему нравились сырые и холодные зимние дни, ей нравилось сидеть, прислонившись спиной к радиатору, прислушиваться к тому, как капли дождя стучат в оконное стекло, как будто пытаются его разбить. Ей нравилось знать, что в этот день ей ничего не нужно делать, что у нее есть хлеб для тостов и мягкий сыр для них. Нина включала тихую музыку и могла затеряться в викторианском Лондоне, или в захваченном зомби будущем, или еще где-то – на свой выбор. Потому что мир за дверями всю ее жизнь был чем-то таким, от чего следует спрятаться, пока она читает.

Теперь же она стояла на пороге паба. Воздух на улице бодрил, солнце сияло, дул прохладный свежий ветер. Нина глубоко вздохнула. А потом сделала нечто совершенно необычное для себя.

– Могу я оставить это здесь? – спросила она хозяина.

И когда тот кивнул, положила большую книгу в твердом переплете на стол.

– Я скоро вернусь, – сказала Нина.

Хозяин помахал ей рукой, и она вышла наружу, впервые за очень долгое время – без книги.

Стоял прекрасный день, чего Нина совершенно не ожидала. Похоже было на то, что небо только что как следует отстирали: оно было яркого голубого цвета, как на экране телевизора, и по нему плыли пушистые облака. Нина подумала, что она до глупого мало времени проводит за городом, учитывая то, как много в Британии прекрасных мест. Под ее ногами всегда был асфальт, она почти никогда не сходила с тротуаров, – а небо над ней окаймляли уличные фонари и высоченные здания, которые выскакивали в центре Бирмингема по штуке в неделю, как ей казалось.

Нина огляделась. Солнечные лучи пробивались сквозь листву деревьев, заливали борозды полей. За дорогой поблескивали золотом большие озера. Какой-то трактор радостно катился по полю, а перед ним тучами взлетали птицы, прямо как в какой-нибудь старой книге о фермерах, изданной в «Ледибёрд букс». Маленькая компания ягнят, похожих на отражения облаков, резвилась неподалеку, они прыгали в траве, щипали друг друга за хвостики и жевали траву настолько зеленую, что ее словно выкрасили «Техноколором». Нина наблюдала за ними, не в состоянии сдержать улыбку.

И что уж вовсе не было похоже на Нину, так это то, что она сделала селфи с барашками на заднем плане и отправила снимок Гриффину и Суриндер. Ее соседка по дому тут же откликнулась, поинтересовавшись, не похитили ли Нину пришельцы и не нуждается ли она в помощи? Еще через две секунды пришел текст от Гриффина, он спрашивал, знает ли Нина, что такое «методология согласования в межбиблиотечных связях», но Нина проигнорировала вопрос, попытавшись подавить тревогу, вспыхнувшую в ней.

Осмотрев деревню, Нина отметила, что библиотеки в ней нет. Она прошла по дороге вверх по холму, туда, откуда виднелось море, – оно оказалось куда ближе, чем ожидала Нина, – и нашла маленькую каменистую пещеру, в которую вполне можно было забраться. Нина покачала головой. Это место – настоящий рай! И куда только все смотрят? Почему все толпятся в одном и том же конце Англии, сигналивая друг другу в городских пробках, вдыхая испарения чужих тел и запахи пищи, втискиваясь в одни и те же пабы и клубы?

Нина увидела огромную черную дождевую тучу, набухавшую вдали. Нет, неужели она настоящая?

Нина не слышала ничего, кроме отдаленного ворчания трактора. Ей вдруг показалось, что она не дышала – не дышала по-настоящему – очень-очень давно.

И как будто все ее тело выдохлось. Стоя на холме, Нина рассматривала окружающий пейзаж. Она могла видеть все за много миль. Видела несколько других деревушек, очень похожих друг на друга, – древние мягкие серые камни и сланец, а перед ее деревней раскинулась долина, зеленая, желтая и коричневая, спускавшаяся вниз, к морю, по которому бежали белые барашки пенных волн.

Это было такое необычное ощущение. Нина вдруг резко вздохнула, чувствуя, как разворачиваются ее плечи, словно до сих пор они были прижаты к ушам.

А может, так оно и было, подумала Нина. В конце концов, слухи насчет закрытия библиотеки донеслись до них уже год назад. Семь месяцев назад они узнали, что проводятся совещания... И уже два месяца Нина знала, что это действительно происходит, а три недели назад пришла уверенность, что она останется без работы, если не пройдет собеседование. Но она так и жила в этой неопределенности, не в состоянии обдумать планы дальнейшей жизни.

Глядя вдаль, Нина попыталась обдумать – честно и как следует – свою жизнь: здесь, на чистом воздухе, она могла дышать свободно. Сейчас ее не окружал миллион человек, вечно куда-то несущихся, горланящих, покупая то, что они нашли в «Фейсбуке» и «Инстаграме», – в этой среде Нина всегда ощущала себя неполноценной.

Некоторые люди, как было известно Нине, заедали свои страхи, другие заливали выпивкой, а кто-то задумывал грандиозные обручения и свадьбы, и прочие жизненные события, занимавшие все их свободное время, – только чтобы не допускать в голову разные неприятные мысли. Но Нина, когда ей грозило вторжение реальности, а уж тем более жестокой и неприятной, удирала в книги. Книги утешали ее, когда ей было грустно, скрадывали одиночество, они были ее друзьями. Они исцеляли ей сердце, когда оно разбивалось, вселяли надежду, когда она падала духом.

Но чем дольше Нина думала об этом, тем яснее ей становилось, что пора признать: книги не были настоящей жизнью. Бо?льшую часть своих почти тридцати лет Нина умудрялась держаться в стороне от реальности, однако теперь она неотвратимо приближалась, и с этим необходимо было что-то делать. Как раз это и имела в виду Суриндер, когда Нина спросила ее, что, если честно, она думает о затее с фургоном.

– Просто делай что-нибудь. Ты можешь ошибиться, но потом исправишь ошибку. Но если ты ничего не будешь делать, то нечего будет и исправлять. И жизнь твоя превратится в сплошное сожаление.

Нине вдруг показалось, что в этом есть смысл. И сразу все, что она думала до сих пор: «Я не могу этого сделать, я недостаточно уверена в себе, я не способна вести собственное дело, у меня не получится, я не смогу водить фургон, ни к чему все это, я должна сохранить надежную работу...» – показалось глупым и жалким.

Здесь, глядя вниз на долину, на маленькие деревни, населенные людьми, живущими собственной жизнью на собственный лад, не думающими о модных течениях и фасонах, о темпе существования в городах и о прочих странностях, Нина чувствовала то, чего не чувствовала прежде никогда. Она выросла в городе, училась в городе, работала и жила в том мире. Но теперь где-то в глубине души ей показалось, что она вернулась домой.

Туча закрыла солнце, и Нина вздрогнула. Здесь очень быстро холодало, и она пошла вниз по склону, к пабу, погружившись в свои мысли. Два старика, сидевшие вчера у бара, снова там появились. Один из них держал ее книгу и как будто уже погрузился в чтение.

– Вам нравится? – с улыбкой спросила Нина.

Это был некий «арктический» триллер, действие происходило на Крайнем Севере, одинокий человек сражался там со стихиями, белыми медведями и таинственными существами, скрытыми во льдах.

– Ох, извини, девица. – Старик виновато глянул на Нину. – Я просто взял ее, чтобы посмотреть, и... Ну, не знаю... Она как будто меня затянула.

– Это замечательно, – кивнув, ответила Нина. – Если хотите, я оставлю вам книгу, когда дочитаю.

– Ох, нет-нет, не говори глупостей, оставить такую большую дорогую книгу... – Водянистые глаза старика вдруг погрузнели. – У нас раньше были библиотека и

книжная лавка...

Его друг кивнул:

– Да, теперь нужно хорошенькое путешествие совершить, если хочешь добраться до библиотеки. Дождаться автобуса. Потом выбрать книгу. Выпить чашечку чая...

Старики переглянулись.

– Все постоянно меняется, Хьюго, сам знаешь.

– Верно, Эдвин. Меняется.

Двустворчатая дверь старого паба со скрипом открылась, появился Уилли и, щурясь, всмотрелся в полутемную комнату. Он посмотрел туда, где стояла Нина, потом в другую сторону – на случай, если там есть кто-то еще, кого он не заметил сразу, оттягивая момент, когда ему придется заговорить с девушкой. Наконец его взгляд вернулся к Нине, а на лице отразилось разочарование.

– Привет, Уилли, – сказал Аласдер, уже поставивший на прилавок кружку пенного темного эля. – Как дела этим утром?

Уилли с удрученным видом подошел к бару и сел на табурет.

– Ну, в общем... – начал он.

– Молодая леди готова к испытаниям! – бодро сообщил хозяин паба. – Она, конечно, всего лишь малышка, но...

– Ну, в общем... – повторил Уилли. В комнате стало тихо. – Ну... – наконец выдавил Уилли, снимая с головы сильно поношенную шляпу, – на этот раз я думал, что наконец-то его продам, клянусь богом!

– Эй, привет, – произнесла Нина, шагая к нему. – Я Нина, не забыли? И я хочу посмотреть ваш фургон.

– Ну... – опять промычал Уилли. – Но это ведь большой фургон, вы заметили? – Он сделал большой глоток пива. – Я вправду думал, что на этот раз его продам, – повторил он и покачал головой. – Не понимаю, почему он никому не нужен?

– Может, он понадобится мне? – нетерпеливо сказала Нина.

– Вот уж не для мелких девчушек такой фургон, – заявил Уилли.

– Ну, я совсем не мелкая девчушка, что бы это ни значило, – возразила Нина. – Я вполне способна водить такой фургон, и я проделала долгий путь, чтобы проверить его.

Эдвин и Хьюго уже тихо ржали. Нина подумала, что вряд ли за последние годы они видели в своей деревне подобное представление.

– Это большой фургон, – в очередной раз сообщил Уилли.

Нина раздраженно вздохнула:

– Можно мне взять ключи? Я же присылала вам электронное письмо на этот счет.

– Да, но я и не догадывался, что вы просто девчонка.

– Меня зовут Нина.

– Да, только это имя иностранное? Я хочу сказать, возможно...

– Уилли! – вмешался Аласдер, и его обычно улыбочное лицо стало строгим. – Эта девушка приехала издалека, чтобы посмотреть твой фургон. Ты выставил его на продажу. И я не понимаю, в чем проблема?

– Я не хочу, чтобы она разбилась, вот в чем дело, – ответил Уилли. – Она помрет, а у меня проблем будет больше, чем нынче, а мне их и без того хватает.

– Я не собираюсь разбиваться! – рассердилась Нина.

– Сколько фургонов вы водили раньше?

– Ну, не то чтобы много, но...

– А сейчас вы что водите?

– «Мини-метро»...

Уилли громко фыркнул.

– Уилли, если не перестанешь грубить, больше не получишь пива, – предупредил хозяин паба.

– Да ладно, парень! Это я-то?

Аласдер угрожающе протянул руку к кружке. Уилли нахмурился и принялся шарить в карманах – их было много, и они были глубокими. Наконец он выудил большую связку ключей и бросил их на ближайший стол.

– Мне нужны гарантии, – проворчал он.

– Могу я оставить вам это? – Нина достала свой паспорт.

Уилли нахмурился еще сильнее.

– Это вам на самом деле не нужно, чтобы приехать в Шотландию. Пока не нужно.

Мужчины у бара одобрительно захихикали.

Нина от отчаяния уже готова была отступить – она ненавидела конфликты в любой форме, – но она не могла, не должна была забывать то, что почувствовала утром. Ей следовало скандалить, как Китнисс Эвердин из «Голодных игр», быть непреклонной, как Элизабет Беннет из «Гордости и предубеждения», храброй, как настоящий герой. Она сказала себе, что ей только и нужно, что проехать по

площади, а потом она сможет уехать. Повернуть назад. Отправиться домой. Надеяться на лучшее. Всю ее браваду сотряс вот этот человек, но Нина не была еще окончательно устрашена.

Она взяла ключи:

– Я скоро вернусь.

Нина вышла из паба на площадь. Внутренне она дрожала. Ей приходилось, конечно, сталкиваться иногда с шумными детьми или с людьми, которые ужасно расстраивались и бранились из-за того, что она им выговаривала из-за задержки книг... но это не задевало ее лично. Но здесь было иначе, здесь некто отчетливо дал ей понять, что она его раздражает.

Старики вышли из паба следом за ней, она ощущала на себе их взгляды. Да где же все женщины этого местечка, гадала Нина, пересекая булыжную площадь и направляясь к боковой улочке, где стоял белый «бегемот». Она остановилась на мгновение и посмотрела на его старомодные фары.

– Послушай, Фургон, – заговорила она, – я и сама не знаю, что я тут делаю. Но ведь и ты тоже не знаешь? Тебя бросили на этой улице на долгие годы. Ты одинок. Так помоги мне, а я помогу тебе, ладно?

Она отперла дверцу – это уже было каким-то началом.

Теперь нужно забраться в кабину. К ней вели две ступеньки, но даже они оказались слишком высокими. Нина задрала юбку выше колен и полезла наверх. Это выглядело не слишком грациозно, однако результат принесло. Нина влезла внутрь, на секунду ей показалось, что вот сейчас она свалится обратно, – но не свалилась, и через мгновение уже взгромоздилась на большое, потрескавшееся кожаное сиденье, залатанное клейкой лентой.

В кабине сильно пахло – но не то чтобы неприятно, это был запах старой соломы и какой-то травы. Нина повертелась на месте. Кабина показалась огромной, но Нина еще раз напомнила себе, что это не грузовик. Ей не нужны были специальные права для тяжелого транспорта, этот фургон мог водить кто

угодно. Люди постоянно это делают.

И все равно он немножко походил на автобус. Фургон стоял на такой узкой улочке, что небольшие каменные дома по обе ее стороны почти касались его стенок.

Нина тяжело сглотнула, потом снова повернулась и уставилась на приборную панель. Она выглядела как у нормальной машины, если не считать того, что все располагалось намного дальше от Нины. Она поерзала на сиденье, чтобы немного расслабиться, и придвинулась ближе к огромному рулевому колесу. Рычаг сцепления тоже был громадным и неуклюжим. Зеркало заднего вида отсутствовало, а боковые зеркала до смерти ее напугали.

Нина какое-то время просто сидела молча. Потом бросила взгляд в сторону паба, перед которым стояли мужчины и тарасились на нее, и тут в сердце ее забил новый источник железной силы. Наклонившись вперед, Нина поправила зеркала, не меньше пяти раз проверила, стоит ли рычаг в нейтральном положении, и лишь после этого вставила ключ в замок зажигания и повернула его.

Фургон пугающе взревел, намного громче, чем жужжал «мини-метро». Пугающе громче чего бы то ни было. Нина увидела, как над домами взлетела птичья стайка и закружила в воздухе. Сдерживая дыхание и мысленно молясь, Нина перевела рычаг на первую скорость, аккуратно поставила ногу на акселератор и потянула вниз тяжелый рычаг.

Фургон прыгнул вперед, но сразу же заглох и встал. Нина прищурилась, ей показалось, что она слышит смех мужчин перед пабом. Потом повернула ключ в обратную сторону и повторила попытку. На этот раз фургон послушался, и Нина выехала на площадь, подпрыгивая на булыжниках.

Не представляя, куда направляется, она повернула налево, в первую же улицу пошире, и через несколько мгновений обнаружила, что едет вверх по склону, к вересковым пустошам. Фургон был намного проворнее, чем могло показаться сначала. Нина переключилась на вторую скорость и поехала дальше. Она никогда прежде не забиралась на машине так высоко. Ей уже видно было море за холмом, там подходили к берегу гигантские танкеры – из Нидерландов, Скандинавии и Китая, решила Нина, они везли игрушки, мебель, бумагу, а потом нагружали растительное масло и виски.

Мимо Нины проехал здоровенный красный грузовик и громко просигналил. Нина подпрыгнула от неожиданности и лишь потом осознала, что это просто дружеское приветствие между большими машинами. Когда Нина проезжала непривычно крутой поворот, перед ней выскочила маленькая шустрая спортивная машина и умчалась вдаль, также немало испугав Нину. Дрожа с головы до ног, она остановилась на первой же придорожной площадке, намертво вцепившись в руль. И заметила, что руки у нее трясутся.

Она опустила окно и, несколько раз вдохнув бодрящий свежий воздух, наконец почувствовала себя лучше. Потом выбралась из кабины, сползла на землю и как следует огляделась по сторонам.

Проблема была в том, думала Нина, пиная шину, что она не так уж много знала о фургонах, чтобы понять, насколько хорош или плох именно этот. Она даже не была уверена в том, что ей следует пинать шины, разве что ради небольшого удовлетворения, в особенности если колеса такие огромные, как эти. Но лысыми они не выглядели. Потом Нина открыла капот, совершенно не представляя, что ей там нужно. Однако увидела, что ржавчины внутри нет.

В кузове фургона следовало бы слегка прибраться, в основном выбросить солому, но внутренность выглядела приятно. Сразу было понятно, как лучше установить книжные полки, как устроить местечко для сидения в задней части, и боковая дверца открывалась легко, а складные ступеньки перед ней разворачивались без труда.

Вообще-то, пока Нина занималась осмотром, она снова начала волноваться. Она как-то вдруг окинула все мысленным взглядом. Как она останавливается в каком-то месте, похожем на вот эту прекрасную придорожную площадку. Ну, может, не на придорожной площадке. Где-нибудь в городке, чтобы людям было проще до нее добраться. Внутри все выкрасить в яркие цвета, заполнить полки самыми лучшими из известных ей книг. Помогать людям выбрать то, что может изменить их жизнь, или влюбиться, или преодолеть трудности личных отношений...

Что до детей, то она могла бы показать им, как храбрецы ныряют в реки, полные крокодилов, или улетают к звездам, или открывают дверцу шкафа, а там...

Нина сидела, погрузившись в фантазии, представляя шумную и хлопотливую жизнь с людьми, они приходят к ней и говорят: «Ох, Нина, как хорошо, что ты здесь! Мне нужна книга, которая спасет всю мою жизнь!»

Нина взволнованно захлопнула дверцу.

Да! Она должна это сделать! Нина вспомнила, что? чувствовала этим утром. Она еще покажет этим старым шутникам из паба! Купит этот проклятый фургон и преуспеет с его помощью, и все будет просто прекрасно! Нина так разгорячилась, что четыре раза останавливалась на обратном пути к деревне, один раз повернула не туда и напугала какую-то лошадь, а сидевшая на ней шикарного вида женщина осыпала Нину весьма не шикарными выражениями, которые продолжали звучать у нее в ушах остаток пути до Кирринфифа и которые, была уверена Нина, потрясли лошадь куда сильнее, чем фургон.

– Я передумал, – заявил Уилли, когда Нина аккуратно припарковалась перед пабом. – Он не продается.

Нина в ошеломлении уставилась на него:

– Но я же прекрасно с ним справилась!

Это не было полной правдой, но она подумала, что и в самом деле способна на это, пока на нее не налетают какие-нибудь лошади.

– Я не хочу его продавать.

– Это уже настоящий сексизм!

– Фургон мой, и мне плевать.

Уилли повернулся и пошел вон из паба.

– Прошу вас! – воскликнула Нина. – У меня кое-какие планы на него, а фургонов продается не так уж много, а этот – как раз то, что мне нужно, и мне пришлось так далеко ехать...

Уилли повернулся к ней, и сердце Нины на мгновение остановилось.

– Нет! – отрезал Уилли.

Он вышел на улицу, и дверь громко хлопнула за его спиной.

Глава 6

Нина осторожно покосилась на Кэти Нисон, сидевшую с краю группы тех, кто проводил собеседование, – лицо Кэти абсолютно ничего не выражало. «Неужели ей так трудно улыбнуться?» – подумала Нина. Она постаралась как могла, надела новые черные колготки, специально купленные для этого случая, и изо всех сил пыталась заставить свои руки лежать спокойно, расслабленно, а не стискивать пальцы на коленях. «Ну хоть бы намекнула на то, что узнает меня...» Нина не готовилась к собеседованию специально, все равно никто лучше ее не знал вид и содержание всех книг, и как заполняются заказы и отчеты, и так далее и так далее, – чтобы библиотека работала как следует.

Нина не могла знать, что Кэти Нисон присутствовала на этой неделе уже на сорок шестом собеседовании, притом что мест было всего два. Ей приказано было найти милых молодых людей, которые могут много говорить, обладают приятной внешностью, более или менее разбираются в литературе и готовы работать почти даром, и хотя Кэти отчаянно спорила с руководством, она ничегошеньки не могла изменить. Высшие чины рисковать не желали. Пришло время молодых дешевых работников, готовых выполнять любую работу. А профессионалы, настоящие знатоки книг теперь просто не требовались.

– Так что я думаю, что беседы в библиотеке и предугадывание нужд читателей должны быть абсолютным приоритетом, – продолжила Нина, хотя ей казалось, что ее слова улетают в пространство или просто беззвучно срываются с ее губ.

При этом она испытывала глупый нервный порыв сказать что-нибудь совершенно абсурдное – просто чтобы проверить, будут они все так же кивать или нет.

- Да, - произнесла наконец скучного вида женщина, в брючном костюме и с очень яркой розовой губной помадой, немного наклоняясь вперед. - Но как вы предугадаете нужды ваших «нечитателей»?

- Простите? - переспросила Нина, не уверенная, что правильно ее расслышала. - Что вы имеете в виду?

- Вы пытаетесь угадать, чего захочется вашим основным посетителям. Так ведь?

- Э-э-э... да, - кивнула Нина, осознавая, что вступила на зыбкую почву.

- А что вы предложите тем, кто не читает?

- Ну, мы дважды в неделю проводим часы чтения для детей... я была бы рада проводить их и трижды в неделю, мамам очень нравится такое местечко, где они могут собраться и поболтать. Я знаю наш книжный отдел от стенки до стенки, так что всегда нахожу что-то такое и для тех, кто пока что к чтению не склонен... Например, у нас есть множество захватывающих книг для мальчиков, которых, как все мы знаем, трудновато усадить за книгу... А в городском отделении есть образовательные книги для взрослых, и мы постоянно направляем туда людей; если вы помогаете образованию людей, вы делаете лучшее из возможного.

- Нет-нет, вы меня не поняли: что вы предложите нечитателям? Не тем, кто не умеет читать, а взрослым клиентам, которым читать просто не нравится?

Нина помолчала. Она слышала, как на окружной дороге за окном гудят машины. Мусоровоз с громким сигналом подавал назад. Потом раздался грохот, когда позади библиотеки он перевернул в кузов один из баков с бутылками.

- Что ж, - заговорила наконец Нина, отчаянно краснея под взглядами четырех членов комиссии, включая Кэти Нисон, которая, конечно же, уже смотрела в свой телефон в поисках имени следующего претендента. - Я бы таким порекомендовала по-настоящему хорошую книгу...

Леди с розовыми губами была скорее разочарована, чем рассержена.

– Не думаю, что так можно чего-то добиться.

Нина согласиться с ней не могла. Категорически не могла.

– Тебе следовало говорить о взаимодействии! – шипел на нее Гриффин, когда они спрятались в кофейне за углом, потягивая утешительные фраппучино, экстравагантность которых была вполне оправданна при таких обстоятельствах.

Снаружи шел дождь, сильный, безрадостный весенний ливень, лишивший город красок и заставивший автомобили едва ли не плыть по улицам, окатывая пешеходов фонтанами воды. Люди выглядели взбешенными, они хмурились так же сильно, как низко нависшие над их головами тучи. Бирмингем выглядел не лучшим образом.

Кофейня была битком набита пакетами с покупками и влажными куртками и пальто, а также людьми с большими наушниками на головах; эти люди зло смотрели на тех, кто пытался подсесть за их столик или задевали их, проходя мимо, и на детей, поедавших горячие оладьи, хихикавших и шаливших. Нина и Гриффин устроились за усыпанным крошками столиком вблизи туалета, а рядом сидели какой-то юрист и его клиентка, обсуждавшие неминуемый развод. Не слышать их было невозможно, но Нина чувствовала, что ей сейчас достаточно и собственных проблем.

– О каком еще взаимодействии? – спросила она.

– Не важно! Посредством компьютера, или лицом к лицу, или все вместе, – продолжал шипеть на нее Гриффин. – Им все равно, лишь бы ты произносила разные умные словечки, которые есть у них в методичках. И если они услышат их в достаточном количестве, то это вроде бинго, ты выигрываешь свою старую работу, вот только с сокращением жалованья. – Он отпил еще фраппучино и помрачнел. – Боже, мне ведь тоже придется пороть перед ними всю эту чушь, и только для того, чтобы меня не выгнали! Безграмотные бюрократы!

– Но зачем? – внезапно пробудилась Нина.

Люди постоянно давали ей советы, но она тоже могла это сделать.

– Ты умный. У тебя ученая степень. Ты ничем не связан. Можешь заняться чем угодно. Можешь отправиться путешествовать. Написать роман. Поехать в Китай преподавать английский. Болтаться на пляжах в Калифорнии. Я хочу сказать, ты ведь не старый, и ты не женат. Тебя ничто не держит. И почему же не сказать им, чтобы они засунули все себе в... ну, если тебе это так уж ненавистно?

– Ну да, я могу, – уныло откликнулся Гриффин. – Я же не хочу быть привязанным к этому месту навечно. Но ведь это как раз ты бросилась в авантюру, подыскивая безумное занятие. Так что все это скорее ближе тебе, чем мне.

Нина знала: втайне Гриффин был доволен, что она вернулась из Шотландии с пустыми руками. И негодовала из-за подтекста этого довольства: Гриффин ведь беспокоился из-за того, что Нина, такая жалкая, может вырваться из рутины, и как он сам будет при этом выглядеть?

– Понимаю, – вздохнула она. – Это была просто глупая фантазия. – Она огляделась вокруг. – Я просто не знаю... Я хочу сказать, в конце концов...

Нина вздрогнула, вспомнив улыбку Кэти Нисон, скользнувшую по губам, но не отразившуюся в глазах. Кэти улыбнулась, когда Нина встала, чтобы уйти еще до того, как закончилось это бессмысленное собеседование, но в тот момент, когда все уже стало предельно ясно.

Нина почти не спала с тех пор, как вернулась из Шотландии. Погода стояла серая и сырая, она буквально давила на Нину. То, что ей нравилось прежде – гул, городской шум, – теперь вызывало у нее новые чувства. Нине казалось, что ей трудно дышать. Она прочла множество книг о людях, ищущих новую жизнь, но настроения это не поднимало, наоборот, она все сильнее чувствовала себя загнанной в ловушку там, где находилась, как будто все, кроме нее, уже сумели вырваться и заняться интересными делами.

Она изучала сайты, предлагающие работу, но, похоже, для библиотекарей уже нигде не осталось места. Служащие в отделах информации – да. Консультанты по компьютерным играм, по маркетингу – сколько угодно. Но ничего такого, что хоть как-то было связано с делом, которым она занималась всю свою жизнь, с той единственной работой, которую она искала: поиск конкретных книг для конкретных людей.

Нина заметила, что скучает по свежему воздуху, по простору, по ясному солнечному свету, играющему на желтых полях, по зеленым склонам холмов и сверкающему, танцующему, обманчивому Северному морю. И казалось очень странным, что некое место, где она провела так мало времени – и с таким грустным результатом, – произвело на нее столь глубокое впечатление.

Нина снова принялась за кофе. Крупная женщина проплыла мимо, едва не ударив Нину в лицо гигантской, дорогой, важной сумкой.

– Я не знаю, – повторила Нина.

– Ох, я уверен, ты получишь работу, – абсолютно неискренне заявил Гриффин.

Нина только сейчас заметила, что он обрезал свой хвост.

Зазвонил телефон. Нина и Гриффин переглянулись и замерли.

– Сначала они будут звонить тем, кто прошел испытание, – тут же сказал Гриффин. – Отлично. Это определенно будешь ты. Поздравляю. Может, они все-таки захотели вернуться к старомодному стилю?

– Я не знаю, чей это номер, – ответила Нина, посмотрев на телефон так, словно это была живая змея. – Но он не бирмингемский.

– Нет, должен быть, – возразил Гриффин. – Просто идет через центральный офис или что-то в этом роде.

Нина осторожно нажала зеленую кнопку и прижала телефон к уху:

– Нина Редмонд.

В трубке трещало и шуршало, и поначалу в шуме кофейной Нина вовсе ничего не могла разобрать.

– Алло! Алло!

- Алло, привет, - донесся до нее голос. - Это Нина?

- Да, это я.

- А, ну слушай. Это Аласдер Макрай.

Имя ни о чем не говорило Нине, но шотландский акцент был знакомым.

- Да? - нахмурилась она.

- Ну, я хозяин паба, ты знаешь. «Роб Роя».

- Привет! - Нина невольно улыбнулась. - Я что-то у вас забыла? Но книгу вы можете оставить себе.

Она просто не смогла бы ее забрать.

- Ох, она просто отличная, эта книга! Эдвин дал ее мне, когда дочитал до конца.

- Рада это слышать.

- А потом я ее передал Уилли.

- О...

- Ну, он мрачно выглядел...

- Что ж, книги - они для всех, - сказала Нина, пытаюсь говорить доброжелательно.

- Не важно, слушай. Мы тут с ребятами подумали...

Нина не сразу сообразила, что под «ребятами» он подразумевал тех двух древних болтунов, что постоянно торчали у бара.

- Да-да?

- Слушай, этот Уилли, он просто сам не знает, что говорит. У него грустная жизнь, понимаешь?

«Понимаю, у меня самой сейчас такая», – подумала Нина, но когда она поймала себя на этой мысли, то ее это поразило.

- Э-э-э... – протянула она.

- Ну, мы подумали, мы втроем... мы можем купить у него фургон, а потом продать тебе. Понимаешь, если тебе захочется.

Последовала пауза. Нина просто не знала, что сказать. Все это оказалось слишком неожиданным.

- Не для заработка, я хочу сказать, – нам он, наверное, продаст дешевле, чем продал бы тебе. Просто он не хочет продавать девушке.

- Ну, это... – Нина все еще не находила слов.

- Мы тут подумали... ты похожа на девчущку, которой нужна помощь. И нам очень понравилась твоя книга. Я хочу сказать, нам бы хотелось иметь больше книг. – Нина рассказывала Аласдеру о своих планах, и он с тех пор постоянно над ней подшучивал. – А этот фургон – настоящее бельмо на глазу у всей деревни. И он не прав был, когда отказался продать его тебе, хотя ты того хотела!

Это явно была очень длинная речь для владельца паба, и он смущался, говоря все это. Нина поспешила его успокоить:

- Но вы уверены? Это может оказаться...

- Я хочу сказать, если ты еще не нашла что-то другое, что тебе понравилось.

- Нет, не нашла. Я не нашла другого.

Нина подняла голову. Дождь вовсю молотил в окна кофейни; каждый раз, когда открывалась дверь, внутрь с воем врвался ветер. В кофейне уже яблоку негде было упасть, у прилавка выстроилась длинная шумная очередь, верещали дети, люди смотрели сердито, наталкиваясь друг на друга. Нина глянула на Гриффина – тот рылся в своем телефоне. И вдруг восторженно вскочил и взмахнул кулаком.

Нина моргнула:

– Послушайте, Аласдер, это так мило с вашей стороны... Но мне нужно подумать. Я могу вам позвонить попозже?

– А, конечно!

Он сообщил ей цену, за которую рассчитывал приобрести фургон, цена оказалась ниже той, какую предполагала Нина, и она отключила трубку.

– Есть, я ее получил! – порозовев от эмоций, сообщил Гриффин. – Да!!! – Потом опустил руки, глядя на Нину. – Ну, я хочу сказать... – забормотал он, – я хочу сказать, мне жаль... То есть они, пожалуй, совершили ошибку. Ты намного лучше меня.

Нина снова посмотрела на свой телефон. На дисплее подмигивало новое сообщение. Ей незачем было даже открывать его целиком. Первая строчка гласила: «С сожалением вынуждены...»

– Отлично, – ответила она Гриффину почти искренне.

– Меня берут руководителем «энергичной молодой многофункциональной команды», – возбужденно прочитал Гриффин. – Наверняка это будет нечто абсолютно жуткое... Слушай, мне действительно жаль, – опомнился он, увидев лицо Нины.

– Все в порядке, – ответила Нина. – Действительно в порядке. Кто-то же должен был получить это место. И я рада, что это оказался ты. Я бы была просто беспомощной во главе много-чего-то-там.

– Да уж, – согласился Гриффин. – Ты бы это возненавидела. Впрочем, уверен, что и я тоже возненавижу.

Его пальцы стремительно двигались по клавишам, и Нина сообразила, что Гриффин уже входит в «Фейсбук». Ей было слышно, как пискнула кнопка «Лайк».

– Послушай, я, пожалуй, пойду, – тихо сказала она.

– Нет, подожди, – возразил Гриффин. – Пожалуйста! Давай я где-нибудь угощу тебя выпивкой.

– Нет, спасибо, – качнула головой Нина. – Правда, я в порядке. Все нормально.

Гриффин снова посмотрел на свой телефон:

– Идем, тут прямо за углом найдем кучу моих приятелей. Выпьем пинту. И обдумаем следующий шаг. Я наверняка должен знать кого-то, кто поможет.

Гриффин был полон энергии, чего с ним не случалось уже много месяцев. Нине отчаянно хотелось выпить чашку чая где-нибудь в тишине и подумать надо всем.

– Вообще-то, мне нужно вернуться, – сказала она. – И я рада за тебя.

Гриффин встал, когда Нина взяла свое пальто и сделала шаг к выходу. Она слабо улыбнулась ему, они стояли и ждали, пока мимо них протиснется целый парад детских колясок.

– Нина, – заговорил Гриффин, внезапно осмелев, когда Нина наконец пошла дальше.

Она обернулась:

– Да?

– Раз уж мы теперь не работаем вместе... ну, поскольку мы теперь не коллеги, а я расстался со своей девушкой... не согласишься ли выпить со мной? Ну, понимаешь... просто выпить вместе. А?

Нина посмотрела на его бледное обеспокоенное лицо и внезапно почувствовала неловкость и почему-то усилившуюся решительность. Всего секунду она колебалась, раздумывая. А потом решилась.

– Мне очень жаль, – ответила она. – Мне нужно... Очень нужно позвонить одному человеку по поводу одной вещи.

Она прошла мимо колясок и пакетов с покупками, мимо запотевших окон и школьников, швырявших друг в друга чем попало, мимо смятых пакетиков из-под сахара, грязных тарелок и чашек, толкнула дверь и вышла на улицу. А потом, натянув на голову капюшон, достала свой телефон, понимая, что если она не сделает этого сейчас, то уже не сделает никогда.

– Аласдер, – произнесла она, когда владелец паба ответил, – спасибо за ваше невероятно любезное предложение. Да, я согласна.

Глава 7

Даже энтузиазм Суриндер по поводу плана Нины начал угасать, когда Нина обзвонила все нужные места и выяснила, что получение лицензии на продажу книг из фургона может оказаться трудным до невозможности. Похоже, все было бы куда проще, если бы Нина решила продавать бутерброды, чай и вечные горячие сосиски.

Она подчеркнула в разговоре с человеком из комиссии, что куда легче случайно убить человека плохой сосиской, чем книгой, а он ответил коротко и серьезно, что Нина явно не читала «Капитал». Ей пришлось признать, что она действительно такого не читала, на том они и остановились.

Но все же Нина снова села в междугородный автобус, вооружившись трилогией «Чуть свет – в Кэндлфорд» вместе с полной серией «Чужестранки», чтобы

погрузиться в них на долгом пути.

Чем дальше они забирались на север, тем холоднее становилось, но погода стояла ясная, и изумительный восточный свет заставлял Эдинбург светиться, как Москва, когда они проезжали через него. Огромный мост снова показался невероятными воротами в неведомое, потом автобус катил все дальше на север, и города, деревни, дорожное движение и люди оставались позади. Теперь только длинные, ленивые красные поезда тащились параллельно извилистым дорогам, перед глазами остались крошечные деревушки, необъятные стаи птиц над долинами, и овцы, везде овцы, пасшиеся на сочных зеленых лужайках в длинных косых лучах садившегося солнца.

На остановке Нина съела вишневый пирог и снова погрузилась в книгу, а когда наконец вышла из автобуса в Кирринфифе, то как будто вернулась домой, и, когда она открыла дверь паба, это чувство при виде улыбчивых лиц Эдвина и Аласдера только усилилось.

– Эй, книжная девчушка! – с удовольствием воскликнули они.

Аласдер, не дожидаясь заказа, налил ей легкого пива. Должно быть, заметил, с каким трудом она в прошлый раз справилась с местным напитком.

– И что вы нам привезли?

Конечно, Нина хорошо подготовилась, и тут же расстегнула молнию на своей сумке, чтобы достать несколько триллеров и криминальных романов, на которые мужчины набросились с радостью.

– Так, значит, – заговорил Эдвин, – вы действительно хотите битком набить этот грузовик книгами?

Аласдер уже весело шарил вокруг в поисках ключей от фургона. Нина протянула ему чек, на котором значилась сумма, почти равная ее пособию по сокращению.

– Да, идея такова.

Когда у Нины появился конкретный план, она стала спокойно ходить на работу. У нее имелось в запасе несколько недель, но теперь никого не заботило, будет ли она слишком долго обедать, или опоздает, или каждый вечер будет мешками увозить домой списанные книги... а она именно это и делала. Нина чувствовала себя так, словно она спасает сирот от казни.

Гриффин начал носить рубашки и галстуки. И его борода исчезла следом за хвостом. Он приходил рано и много времени проводил на разных встречах, а вместо прежнего выражения скуки и раздражения на его лице появилось выражение постоянной тревоги. Как-то вечером он остановил Нину и сказал, что она должна заполнять заявки на все книги, которые забирает, а когда она спросила: «Серьезно?» – в его глазах отразилось страдание, зато Нина теперь была счастлива, как никогда в жизни...

– Ох, это будет просто замечательно! – сказал Эдвин. – Тебе нужно обязательно поехать в деревню Кэрни. И к Бонни-Бэнкс. И в Уиндигейтс. Там моя сестра живет. К ним раньше ездил библиотечный автобус, но теперь перестал. Так что лучше ты, чем ничего. Ты не можешь работать и как библиотека?

– Боюсь, нет, – ответила Нина. – Мне же есть нужно. – Она посмотрела на обоих мужчин. – Вы понимаете, что я не стану постоянно держать фургон здесь? Я поеду на нем в Бирмингем.

Мужчины явно растерялись.

– Но он для здешних мест! – воскликнул Эдвин. – Мы поэтому его и купили!

– Нет, я перегоню его на юг, – терпеливо пояснила Нина. – Я там живу.

– Но на юге, в городе, не нужны книги! – заявил Аласдер. – У них там полно книжных магазинов и библиотек, и университеты, и всякое такое. У них есть все, что им нужно. Это нам нужны книжки.

– Да, но живу-то я там, – повторила Нина. – Там мой дом. Я должна вернуться.

Наступило молчание.

- Ты можешь и здесь поселиться, - заговорил наконец Аласдер. - Нам не помешает немножко свежей крови.

- Я не могу переехать сюда. Я никогда не жила в деревне.

- Да, но ты никогда не водила книжный автобус, - с логикой упрямства стоял на своем Эдвин.

- Эй, я думал, мы тебе помогаем для того, чтобы ты смогла остаться здесь, - почти рассердился Аласдер. - Я так и сказал всем своим постоянным посетителям.

- Я думала, все ваши постоянные посетители - это Эдвин и Хьюго, - улыбнулась Нина.

- Ну и они тоже. И все были рады.

- Я тоже была бы рада, - согласилась Нина. - Но честно говорю - не могу. Я должна вернуться и все наладить и начать зарабатывать на жизнь.

Снова все умолкли. Нине чувствовала себя ужасно из-за того, что обманула их надежды, она совершенно не собиралась этого делать.

- Но... - начал было Эдвин.

- Мне очень жаль, - твердо перебила его Нина.

Она собиралась забрать фургон и этим же вечером отправиться обратно в Бирмингем. Она просто не могла позволить себе задерживаться, даже в таком дешевом и приятном месте, как этот паб. К тому же Суриндер весьма категорично ей заявила, что если она без промедления не освободит дом от книг, то либо перекрытия рухнут, либо Нина вылетит на улицу.

- Я должна ехать, - грустно повторила она.

Все смотрели на ключи, лежавшие на стойке бара.

– То, что вы сделали для меня, очень любезно, вы так добры... Спасибо вам.

Оба мужчины что-то проворчали и отвернулись.

Снаружи наконец стемнело, последние розоватые лучи угасали за западными холмами. Как только исчезло солнце, стало холодно, и Нина дрожала, шагая к фургону. Она потуже закуталась в пальто и посмотрела на фургон, казавшийся гигантским на затихшей мощеной площади. Нина глубоко вздохнула. Она не помнила, когда чувствовала себя более одинокой. И все же она должна была это сделать. Она себя уже связала. Ей следовало найти свой путь.

Нина посмотрела на свой телефон. Она явно не услышала сигнала, когда была в пабе, а ей, как оказалось, пришло сообщение. Из окружного муниципалитета.

Дорогая мисс Редмонд!

Мы хотим сообщить Вам, что Ваше обращение по поводу разрешения на парковку класса 2(би) (торговля и поставки непродовольственных товаров) отклонено в силу строгих ограничений в данном округе. Решение не может быть пересмотрено...

Нина громко выругалась.

Сообщение было длинным, но дальше Нина просто не могла читать, потому что ее глаза наполнились слезами. Казалось, что при всех усилиях она не могла получить хоть краткую передышку. И первое, о чем она никогда даже не думала, так это стоянка фургона перед ее домом. Но теперь, глядя на свой фургон в полутьме, Нина осознавала, насколько он огромен. Он бы перекрыл свет в их доме и в соседском тоже. О чем только она думала?

Она потратила почти все деньги, полагавшиеся ей при сокращении, но даже речи не было о том, чтобы снова войти в паб и сообщить тем мужчинам, что она передумала. Она лишилась работы потому, что не подготовилась как следует к собеседованию, отвлекаясь на мысли о других возможностях. И теперь перед ней главный и самый очевидный барьер.

Но надо было ехать. Найдется где-нибудь место, чтобы поставить фургон. Нужно поговорить с Суриндер. Но что, если она не сможет позволить себе переезд? Кто сдаст ей жилье, когда у нее нет работы? Ох, боже, кажется, в итоге придется жить в фургоне...

Слезы потекли по щекам, Нину охватила паника. Она огляделась вокруг. Конечно, никого. Деревня была абсолютно пустынной и очень холодной. Нина ощутила себя окончательно брошенной.

Она попыталась представить, что сделала бы в такой момент Нэнси Дрю. Или Элизабет Беннет, или Молль Флендерс из романа Даниэля Дефо. Но никто из них, похоже, не был готов к такому вот моменту. Ни одна из тех героинь не оказывалась в полной беспомощности рядом с гигантским фургоном, который невозможно продать, посреди неведомого, не зная, где она будет жить, дрожа от жуткого холода...

Нина старательно выпрямилась. Руки у нее дрожали. Она просто не знала, куда податься. Она попыталась придумать место, где можно поставить такой фургон, и гадала, будет ли он в безопасности, если она просто бросит его.

В отсутствие идеи получше Нина залезла в кабину и повернула ключ зажигания.

Всех много раз предупреждают об опасности вождения машины при сильной усталости, и Нина обычно была очень осторожным водителем, помнившим все эти предупреждения. Обычно.

Но теперь, потрясенная и встревоженная до глубины души, управляя огромной непривычной машиной, она была по-настоящему испугана. Она понимала, что должна съехать с дороги, но где? Нина не могла позволить себе тратить деньги на отель, даже если бы и знала какой-нибудь в этой глуши.

У нее не было навигатора, а телефон не ловил сигнал. Нина включила на полную мощность фары и тащилась по бесконечным сельским дорогам, но ни одна из них как будто не могла привести ее в какое-нибудь подходящее место. Бак фургона был заправлен, горючего вроде бы хватало, и Нина, вытирая ладонью слезы со щек, старалась не впасть в окончательную растерянность. Она что-нибудь найдет,

какое-то место. Она найдет.

Впереди Нина увидела огни железнодорожного переезда, но не остановилась, шлагбаум не был опущен, так что ей хватало времени, чтобы там проехать. И она не заметила оленя, пока не стало уже слишком поздно. Он выскочил невостановившись откуда и побежал через дорогу прямо перед ней. Нина увидела большие черные глаза, мелькнувшие совсем рядом, – испуганные и прекрасные – и мгновенно, не думая, ударила по тормозам. Фургон подпрыгнул, содрогнулся и заглох прямо на переезде, под углом к рельсам.

Олень прыгнул в сторону, стукнув копытами по боку фургона, и, явно невредимый, исчез среди деревьев. А Нина, переведя дыхание, услышала звон колокола и, повернув голову, в ужасе увидела, что шлагбаум перед ней опускается.

Не в силах соображать здраво, она повернула ключ зажигания, забыв нажать на сцепление, не понимая, почему не заводится мотор.

Огни поезда уже были видны, они все приближались и приближались, шум становился все громче и громче.

Нина догадывалась, что ей следует выскочить из кабины, но дверца почему-то оказалась заперта, или ей так казалось. Нина снова попыталась запустить мотор, и опять неудачно.

Из радио лилась музыка. Руки не слушались Нину. Ее инстинкт самосохранения подвел ее окончательно. Она снова посмотрела на поезд, его визжащий грохот заполнил все, и тут Нину поразила более чем странная и нелепая мысль: как неловко будет ее матери объяснять знакомым, что ее дочь с университетским образованием совершила подобную глупость, и застряла на переезде, и погибла под поездом.

Поезд!

Рот Нины медленно открылся, насколько она поняла – в крике, – а земля содрогнулась. Поезд с грохотом несся на нее! В ожидании неизбежного она закрыла глаза.

Глава 8

Было темно и оглушительно тихо. Радио каким-то образом само собой выключилось, как именно, Нина не представляла. И фары погасли. Нина моргнула. Она что, умерла? Она ничего не чувствовала – ни удара, ни боли... Может быть, так все чувствуют себя после смерти? Вокруг сплошная, необъятная чернота...

Но нет: она все так же сидела в фургоне. Видела ручку двери. Нина протянула к ней руку, нажала. Дверца оказалась незапертой. Она все время была незапертой. Да что же, черт побери, произошло?!

Нина осторожно спустилась на землю. Потом на подгибающихся ногах проползла вдоль фургона – и ее вырвало.

В сумке она нашла полбутылки минеральной воды и немного выпила, но не все, на случай если ее снова стошнит. И она никак не могла справиться с дрожью. Но постепенно, пытаясь как-то отдышаться, решила посмотреть вверх.

В каких-то дюймах от целехонького фургона стояла громада товарного поезда, похожего на затаившееся живое чудище. Нине показалось, что ее сейчас вывернет.

Прислонившись сбоку к локомотиву, стоял мужчина, также тяжело дышавший. Увидев Нину, он двинулся вперед.

– Какого... – начал он. Его голос дрожал так сильно, что мужчина говорил с трудом. – Какого... – Он сделал над собой огромное усилие, чтобы не выругаться как следует. – Какого черта... – Голос сорвался. – Какого черта?!

– Я... – с трудом пробормотала Нина. – Там был олень... я затормозила...

– Олень! Ты чуть не убила нас из-за оленя? Ты просто чертова дура! О чем ты думала?!

– Я не... я не могла думать...

– Да уж, точно не могла! Никаких мыслей! Смотри, дура, каких-то десять чертовых метров!..

Внезапно вдоль поезда зазвучали быстрые шаги, кто-то бежал в их сторону. Появился еще один мужчина, запыхавшийся, дым от тормозов локомотива окружал его как туман.

– Что случилось?! – крикнул он.

Говорил он с акцентом – Нине смутно показалось, что с европейским.

– Эта безмозглая девчонка чуть не убила тебя, меня, себя и половину местного люда, если бы вытекло горючее! – заорал первый мужчина, налившись кровью от ярости.

Второй посмотрел на Нину.

– Вы в порядке? – спросил он.

– В порядке ли она?! Да она чуть не убила...

– Да, Джим. Я понимаю.

Джим встряхнул головой, все так же дрожа.

– Дурное происшествие. Совсем дурное.

На переезде снова зазвонил колокол, шлагбаумы начали подниматься.

– Они не должны этого делать, – сказал второй мужчина. – Мы еще не проехали. Но вы-то в порядке? – снова спросил он Нину.

Она только теперь осознала, что не может стоять прямо, и прислонилась к фургону.

– Я намерен поговорить с диспетчерами! – заявил первый мужчина.

Когда второй мужчина подошел к Нине, она сразу отметила, что у него вьющиеся черные волосы, пожалуй, слишком длинные, и усталые черные глаза с длинными ресницами. Кожа у него была оливковой, она натягивалась на высоких скулах. Роста он был среднего и сложен крепко.

– Но вы действительно в порядке?

Нина моргнула. Она была слишком потрясена, чтобы нормально говорить.

– Дышите, – велел мужчина. – И выпейте еще воды.

Нина попробовала сделать глоток, одновременно что-то бормоча. Она прижала руки к коленям и держала их так, пока дыхание не восстановилось.

– Я думала, – выговорила она наконец, непроизвольно стуча зубами, – я думала, что умерла.

– Никто не умер, – сообщил мужчина. – Никто. И у вас есть я и Джим, а у нас есть теплые вещи, виски и джин. И никто не умрет. – Он присмотрелся к ней. – Вы замерзли. Идемте, идемте.

Он потащил Нину к локомотиву.

Первый мужчина уже забрался в кабину и держал в руках рацию. Он оглянулся:

– Просто не знаю, что им сказать.

– А нечего и говорить! Все в порядке. Джим, тепло – этого достаточно. Никто же не пострадал.

– Если я им расскажу, начнется расследование. Полиция. И это на долгое время. – Он строго посмотрел на Нину. – У нее будут большие проблемы.

– Ну да. Вот и не говори им, – посоветовал второй мужчина.

- Я не... Я не... - Говорила Нина все еще с большим трудом.

Лицо Джима смягчилось.

- Но я должен сообщить, они уже сами запрашивают. Так что никто никуда не уходит. - Он опять посмотрел на Нину. - Ох, бога ради, вам нужно подняться сюда и выпить чая.

- Да, чай, - согласился второй, мягко подталкивая Нину вперед. - Чай - лекарство от всего. Поднимайтесь в кабину. Поскорей! Там тепло.

Нина, не зная, что еще делать, с трудом шагнула к кабине, потом поняла, что подняться туда не может. Ее руки просто превратились в желе.

Второй мужчина легко запрыгнул наверх и тут же повернулся и протянул ей руку.

- Давайте!

Рука у него была волосатой и мускулистой. Он сжал маленькую руку Нины и поднял девушку в кабину так, словно она ничего не весила.

Крохотное пространство кабины было теплым и уютным. Джим сидел перед большой серой пластиковой панелью управления, а второй мужчина показал Нине, где она может сесть, но она опустилась на пол и разревелась.

Мужчины переглянулись.

- Чаю? - спросил наконец второй.

Джим достал откуда-то термос. Он наполнил чашку и протянул ее Нине, она с благодарностью приняла дар.

- Не плачь, девица, - сказал Джим. - Выпей чай.

Чай был горячим и очень сладким, и Нине стало немного лучше.

- Мне так жаль, - всхлипывала она. - Мне так жаль!

- О господи, - заговорил вдруг Джим. - Газеты! Полиция наверняка уже едет...
Такое начнут...

- Но никто же не пострадал, - возразил второй. - А ты герой, Джим.

Последовала затяжная пауза. Машинист долго соображал. Потом сказал:

- Вообще-то, я ничего такого не думал.

- Но это так, - оживая, сказала Нина. - Это действительно так! Я уже думала, что мне конец. Я вам обязана жизнью. Вы просто чудо! Вы остановились как раз вовремя!

Гнев машиниста, похоже, полностью угас, когда он тоже выпил чашку чая.

- Ну, на самом деле я действовал просто инстинктивно, - скромно откликнулся он.

- О тебе напишут в газетах, - с улыбкой заявил второй и подмигнул Нине. - И напечатают твою фотографию.

- Ты так думаешь?

- Вы спасли мне жизнь, - повторила Нина, радуясь тому, что он больше не злится. - Вы меня спасли.

Джим глотнул еще чая, потом улыбнулся:

- Ну... Ладно. Происшествия ведь случаются нередко.

Приехали полицейские и подолгу допрашивали всех по очереди: машиниста Джима, который уже вполне оправился и готов был подробно описывать свои

стремительные действия любому, кто хотел его слушать, второго мужчину, которого звали Марек, и Нину, пришедшую в ужас от того, что узнала: ей могут предъявить обвинение.

Марек вмешался и рассудительно объяснил, что на самом деле обвинение следует предъявить оленю. После того как полицейские взяли у Нины пробу на алкоголь, а парамедики осмотрели ее и Джима, стражи порядка согласились с тем, что ничего не остается, кроме как убрать фургон с переезда и отпустить всех с миром. Слава богу!

Подошел ночной пассажирский поезд из Инвернесса, и его машинист выразил серьезное недовольство задержкой. Сменного машиниста не нашлось до самого Дарлингтона, так что Марек предложили самому вести товарняк дальше.

Но оставалась еще одна большая проблема: Нина была абсолютно не способна вести фургон, а больше это сделать было некому. Один из полицейских любезно отогнал его в поле рядом с железной дорогой и наклеил на него полицейскую бумажку с предупреждением «Не трогать!», но проблему это не решало.

Полиция предложила отвезти Нину обратно в паб – туда отправляли дрожавшего Джима. Но было уже два часа ночи, а Нина не имела поддержки в виде железнодорожной компании, готовой оплатить ее ночевку, сама же она не могла позволить себе такого. Она постоянно моргала, надеясь, что сумеет удержаться от нового потока слез, отчаянно желая придумать выход. Наконец Марек склонился к ней.

– Знаете, мы ведь направляемся в Бирмингем, – тихо сказал он.

Нина уставилась на него. Полицейские переглянулись, не зная, позволительно ли это, но понимая, что таким образом сами они избавились бы от свалившейся на них задачи. Джим уже махал рукой на прощание.

– Отлично, – решил наконец один из полицейских, передавая Нине справку о несчастном случае. – Только впредь будьте поосторожнее на переездах, не спешите.

– Больше никогда в жизни! – кивнула Нина.

После этого все уехали, голубые огни растаяли вдали, и внезапно Нина и Марек остались одни в кабине.

Марек переговорил с диспетчерами, шлагбаумы снова опустились, и поезд, на этот раз не имея помех на пути, плавно тронулся с места.

Марек настоял на том, чтобы закутать Нину в одеяло и усадить поудобнее. После всего пережитого Нина чувствовала сонливость, но уснуть по-настоящему не могла. Она никогда прежде не оказывалась в кабине поезда, если не считать Доклендское легкое метро, где она побывала в детстве. Окна в кабине были высокими и широкими и – это удивило Нину, хотя она понимала, что удивляться тут нечему, – с самыми обыкновенными дворниками. Когда огромный локомотив постепенно тронулся с места, а потом начал набирать скорость, Нина с любопытством наклонилась вперед, глядя на дорогу. Ночное небо на самом деле не было таким уж черным, пока они ехали через леса и между холмами, тьма царила на земле, но само небо переливалось темными бархатными тонами, на нем пестрели звезды, висела почти полная луна. В зарослях вдоль железнодорожного полотна вспыхивали чьи-то внимательные глаза, в живых изгородях ощущалось движение, время от времени поперек рельсов проносились кролики – Нина задышалась каждый раз, но они прыгали так быстро, что ни один не угодил под колеса.

– Прямо как вы? – усмехнулся Марек.

Голос у него был низким. Он аккуратно действовал рычагами управления, и поезд с грохотом мчался сквозь ночь.

– Они меня пугают, – призналась Нина.

– Да вы и сами чуть не прикончили Джима, – сказал Марек. – Он мог помереть со страха.

– Я ничего такого не хотела.

– Знаю-знаю.

В кабине было темно – чтобы машинист лучше видел то, что снаружи. Нина различала только профиль Марека, его крепкий подбородок обрисовывался в лунном свете, лившемся в окна, они неслись через городки и деревни, тихие и нелюдимые ночью.

– И что же это вы делали там посреди ночи? – спросил Марек. – Вы ведь не шотландка?

Нина покачала головой.

– Бирмингем?

– Я из Честера, но живу в Бирмингеме. А вы откуда? – спросила она просто так.

– Из Латвии, – проворчал Марек.

– Значит, мы оба далеко от дома, – сказала Нина.

Марек промолчал.

– Я... перегоняла тот фургон домой, – сообщила наконец Нина. – Для работы.

– И что это за работа? Вы водите фургоны?

– Не совсем так. Я... я хотела открыть книжный магазин.

Марек на мгновение повернул голову и посмотрел на нее:

– А! Книжный магазин. Прекрасно! Люди любят покупать книги.

– Надеюсь, – кивнула Нина. – Я хотела... ну понимаете... Привозить людям книги. Находить для каждого то, что ему подойдет.

Марек улыбнулся:

– И где ваш магазинчик? В Бирмингеме?

- Нет, - покачала головой Нина. - Я думала... я надеялась устроить его в том фургоне.

- Прямо в фургоне? Книжная лавка в фургоне?

- Понимаю... Наверное, это ужасная идея. И пока что мне не слишком везло.

- Так вы хотите разъезжать и искать людей, которым нужны книги?

- Да.

- А какая книга пригодилась бы, например, мне? Только не русская.

Нина посмотрела на него и улыбнулась.

- Что ж, - решила она, - я бы предложила вам что-нибудь о людях, которые работают по ночам. Например, «Овиан-Фолс». Это о человеке на войне, он ночи напролет стоит в карауле, до самой утренней побудки, и о том, какие мысли у него возникают перед тем, как солдатам приходится пойти в сражение. Он думает о своей семье, о своем детстве, эта книга забавная и грустная. А еще он думает о некоем снайпере, который, как ему кажется, хочет его убить. И снайпер действительно пытается это сделать. Да, это хорошая книга, она вызывает настоящие чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kolgan_dzhenni/knizhnyy-magazinchik-schast-ya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)